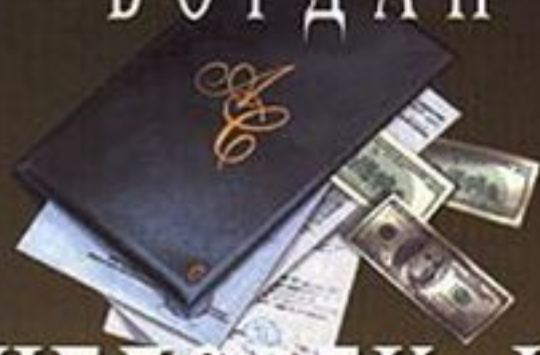

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВАГРИУС ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Г е н н а д и й
П Р А Ш К Е В И Ч
А л е к с а н д р
Б О Г Д А Н

ЧЕЛОВЕК «Ч»

*Роман о любви и тайнах
бывшего рэкетира*

Геннадий Прашкевич

Человек Чубайса

«Автор»

Прашкевич Г. М.

Человек Чубайса / Г. М. Прашкевич — «Автор»,

В основе любого крупного капитала лежит преступление. И только от личных качеств человека, преступившего закон, зависит: пойдёт он в тюрьму или благополучно займет свою нишу в сфере современного бизнеса. Деловой человек Андрей Семин, начав с рэкета, пройдя через предательства и смерти друзей, через многочисленные искушения, движется к вершине, считая, что где-то там он сумеет наконец очиститься и где-то там ждет его спасение... Ему еще предстоит узнать, что на вершинах богатства недостаток кислорода ощущается порой сильнее, чем в отравленных болотах бедности...

© Прашкевич Г. М.

© Автор

Содержание

Часть I	5
Часть II	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Геннадий Прашкевич, Александр Богдан

Человек «Ч»

(Человек Чубайса)

(Любовь и тайны бывшего рекетира)

Часть I

Смерть неизвестного джазиста

1

Пока я отсутствовал, в городе произошли перемены.

На улицах стало грязней, ветер катал под ногами полопавшиеся пластмассовые стаканчики, шелестел затрепанными афишами. Поднялись цены на бензин (АИ-76 – 95 руб. за литр, АИ-92 – 100). Вообще поднялись цены. И прохожие меньше улыбались (почти не улыбались), сумрачно отворачивали лица в стороны. После Америки, где самый последний черный бомж (есть там и такие) встречает тебя неременной улыбкой, всеобщая озабоченность казалось диковатой. Только неуничтожимый сладкий дым отечества (от лоточного шашлыка) остался прежним, хорошо щекотал ноздри.

Машины у меня не было – продал перед отъездом.

Вадик Голощекий обещал новенькую иномарку – по возвращении, но, вернувшись, я не нашел ни иномарки, ни фирмы, ни самого Вадика, ни даже бывшей своей жены. Старая, как мир, и такая же пошлая история. Можно сказать, ничего у меня не осталось от прежнего мира, кроме квартиры. А хорошей новостью было только то, что я – дома. Вот летнее утро, вот чистое небо; вот жаркий июль, десятое; вот одна тысяча девятьсот девяносто третий год. Я дома и в кармане пять баксов.

А могло быть ни одного, усмехнулся я. А могло быть не пять баксов, а, скажем, пять рублей. А могло и пяти рублей не быть.

Спустившись в метро, в переходе, ведущем на ГУМ, я увидел автомат, похожий на металлическую тумбу, украшенную гипсовой головой седовласого восточного старца. Рядом стояла загорелая девица в светлой майке, украшенной словом НЕТ, и в светлых джинсах. У ее ног хрипел карманный приемник. *В этом мире того, что хотелось бы нам – нет...* Девица в такт притоптывала длинной ногой. *Мы в силах его изменить? – Да...* Конечно, девицу несколько портили домашние тапочки на ногах. Не туфли, и не сандалии, а именно тапочки. В таких тапочках, как ни притоптывай, не сильно изменишь мир. *Но, Революция, ты научила нас верить в несправедливость добра...*

Интересно, понимала она рвущиеся из приемника слова?

Вряд ли.

Я присмотрелся.

Неизвестное божество.

Гипсовый старец с тумбы смотрел сощураясь. Он, наверное, всякий раз так прикидывал, с кем имеет дело. И девица смотрела перед собой чуть сощураясь, потому что в переходе было пусто. А имя девице было – Оля. По крайней мере, так указывалось на синеньком бейдже, пристегнутом почему-то справа и высоко – почти на ключице.

Наверное, чтобы грудь не уколоть, подумал я.

И поинтересовался:

– Что предсказываете?

– Судьбу.

Голос у Оли оказался тоже хриловатый, она часто откашливалась, наверное, много курила.

– Прямо вот так судьбу?

– А то! – ответила Оля с хриловатым вызовом. – Это же настоящий электронный хиромант!

Только теперь я увидел выбитое на передней стенке металлической тумбы изображение человеческой ладони, испещренной прихотливыми линиями, а сверху неброскую надпись: «*La Bocca della Verita*». Перевести итальянские слова я не смог, но электронный хиромант меня заинтересовал:

– Он по руке гадает?

– Смеешься! – сказала Оля.

Она, наверное, еще только разогревалась. Она еще не работала в полную силу. Первая волна пассажиров схлынула, в переходе метро было пустовато, даже совсем пусто (*В этом мире того, что хотелось бы нам – нет...*), вот Оля и расслабилась, не желая тратить силы на одинокого клиента. «Уста правды говорят вам?...» – с большим значением намекнула она. Возможно, это был перевод итальянской фразы, выбитой на передней стенке автомата. «Это мощный компьютер. Уста правды говорят вам! Сам знаешь, – она предпочитала простые формы обращения, – компьютер никогда не ошибается. А если однажды ошибется, то сгорит, – Оля с ненавистью взглянула на автомат (*Но, Революция, ты научила нас верить в несправедливость добра...*). – У него этих самых чипсов... Нет, чипов... Знаешь сколько?... Да больше, чем нейронов у тебя в мозгу! – Насчет нейронов она, наверное, загнула, но, в общем, объяснялась понятно. – Там внутри очень мощный компьютер, – попинала она металлическую тумбу длинной ногой в домашнем тапочке (наверное, нелегко часами стоять в переходе метро). – У него память – как у сумасшедшего. Он все помнит и все знает. У него такие сложные программы, – нехотя похвасталась она (видимо, все еще разогревалась), – что обрабатывать их может только он сам. Вот гони денежки и говори дату рождения».

– Моего?

– А то!

– Да я ее и без денежки знаю.

– Зато автомат не знает, – снисходительно постучала себя по лбу Оля. Она все-таки была не такая хорошенькая, какой показалась поначалу: например, под носом темнели заметные усики.

– А если будет знать?

– Уста правды говорят вам!.. За разумные денежки он скажет голую правду. Большую настоящую голую правду... Ты как бы заглянешь в будущее... Только дурак пройдет мимо...

Оля не сильно давила.

Похоже, она понимала, что я не тот клиент, который, задрав хвост, незамедлительно рванет в будущее. У меня денег не было (такое сразу угадывается), а сам я лучше многих других знал, что даже в счастливом будущем без денежек делать нечего. Ну, в самом деле... Прорвешься, а там цены круче, чем в нынешнем фирменном салоне... Нет, с пятью баксами в кармане даже счастливое будущее не в кайф...

– Уста правды говорят вам.

Звучало красиво, даже заманчиво.

Но *правду* я слышал много раз и из разных уст.

Например, от бывшей жены, которая ушла к Вадик Голощекому: люблю навсегда, люблю вечно... Известное дело... Все мы так говорим... И от Вадика Голощекого слышал правду... Снаружи Вадик был как из анекдота: голда на шее, малиновый пиджак, накрученный мобильник... Когда Вадик будет лежать в хрустальном гробу, прохожие все равно будут ему завидовать – вот, дескать, живут люди!.. Когда я уезжал, Вадик, понятно, говорил чистую правду: вот вернешься, Андрюха, получишь новенькую иномарку. Только пройди эту бизнес-школу, деловые люди нужны! В самом деле, загорался, как пламя, Вадик, чем мы хуже американцев? Поучимся делу и насядем, как медведь, на Азию и Европу. Вся Евразия – наш материк. Я, Андрюха, хочу собрать интеллектуалов. Работая в одной команде, мы добьемся легализации доходов, капиталы начнут работать только на Россию... Ну, и так далее.

– Почему у него пустые глаза?

– У автомата?

– Ну да.

Оля посмотрела на меня с сомнением: «А ты не понимаешь?»

Чуть прищуренные гипсовые глаза седовласого восточного старца были лишены зрачков. Это были пустые глаза, лишенные какого-либо намека на зрачки, совсем как в учебниках истории. Типа – нарисована фигура, а глаза у нее пустые, зрачков нет. Не знаю, может, такие рисунки есть и в нынешних новых учебниках, в наших были.

Я засмеялся:

– Как он берет денежки?

– Моими руками, – ответила Оля строго.

В тридцать лет она начнет по-гусарски завивать усы, подумал я. Если, конечно, мужа это не будет раздражать. Только замужество заставит ее уничтожить растительность.

– Гони денежку, – все-таки предложила Оля. Не верила в мою состоятельность, а все-таки предложила. От скуки, наверное. – Я запущу программу и ты все узнаешь о своих перспективах. Уста правды говорят вам, – значительно напомнила она.

– А если правда окажется ужасной?

– Смирись, гордый человек.

– А баксы примешь?

Девушка недоверчиво прищурилась:

– Что? Совсем деревянных нет?... – и я физически почувствовал, *что* видят в этот момент ее вспыхнувшие глаза.

Во-первых, видят заграничную джинсовую рубашку на выпуск. Не бог весть что, но и не на каждом увидишь. Во-вторых, джинсовые штаны, чуть линялые, но по-настоящему линялые. И, наконец, фирменные сандалии.

Обнадеживающее, в общем-то, зрелище, но было видно, что Оля никак не могла встроить меня в привычный пейзаж. Как это так? Рожа самая простая, даже наглая, а деревянных нет.

А у меня действительно были только баксы.

Пять штук, бумажками.

Совсем недавно я выкладывал стопку таких бумажек на стойку «Шоу-Плаза» и, когда девочки трясли передо мной голыми грудями и бедрами, с удовольствием выдавал каждой премию. Там были симпатичные девочки, некоторым я дал бы больше, но в «Шоу-Плаза» не принято давать за раз больше доллара. Почему-то я решил, что Оля (в отличие от указанных девочек) сейчас отошлет меня (что ей доллар?), но, подумав, она кивнула:

– Ладно, выкладывай!

И я выложил долларовую бумажку.

И сразу понял, почему гипсовый старец лишен зрачков.

Девушка Оля поспешно спрятала купюру куда-то на пояс, на секунду приподняв кофточку и показав полоску незагорелого живота, но не в кожаную сумку, что демонстративно висела на

ее ремне; возможно, это она сама выцарапала старцу зрачки, чтобы он не нашептывал хозяину то, что Оле хотелось скрыть.

– Сдачи не будет? – поинтересовался я.

– Не будет.

– Почему?

– А у нас цены договорные.

– А мы договорились?

– Ну, конечно, клиент, – приветливо произнесла Оля. – Говорите дату.

Я сказал.

– Поздравляю!..

Не спуская с меня внимательных глаз (так проститутки взглядом спрашивают: ничего больше не дашь?), Оля ткнула пальцем в какую-то кнопку.

Пустые глазницы гипсового старца осветились.

Мне показалось, что он презрительно прищурился.

Но, конечно, это только показалось, просто на нижнее веко неизвестного божества упала тень. Что-то в чреве металлической тумбы загадочно заурчало, зашипело. Если там работал мощный компьютер, то, наверное, один из самых первых отечественных – паровой, с ножным приводом, с керосиновым освещением экрана, с негнущейся прямой строкой, теряющейся где-то за пределами темного монитора, наконец, с памятью минуты на полторы, после чего он, конечно, все забывал. Тем не менее (к большому моему удивлению) из специальной прорези медленно выполз факсовый лист.

Самый обыкновенный факсовый лист.

«Вы имеете хорошую жизненную способность и склонность к физическим удовольствиям,» – прочел я и решил: сказано не очень грамотно, но верно. – *Иногда вы бываете скучны и с большими претензиями,* – (я невольно вспомнил слова бывшей жены). – *Иногда вы слишком настойчивы и не совсем честны в борьбе* – (на что-то такое намекал мне чистый в сердце и в помыслах Вадик Голощекий, оставивший меня нагишом). – *Вы склонны иметь холодный темперамент без малейшего увлечения в чувствах.* – (Ну, не скажите! – подмигнул я девице Оле, но она отвернулась. Видимо, судьба клиентов, поработавших с неизвестным божеством, переставала ее интересовать, а может, долго работая с этим всезнающим автоматом, Оля сама научилась провидеть будущее и теперь в упор не видела меня в открывающемся перед ней будущем). – *Вы очень честны и преданны в любви и дружбе,* – (плохих не держим, согласился я). – *Порой даже слишком,* – (и это само собой, решил я). – *Вас ожидает скорая перемена. Вы долго думали и решили, что это подходящий момент для действия».*

Ну вот.

Я посмотрел на Олю.

Девицы из «Шоу-Плаза» за доллар танцевали нагишом, еще с ними можно было разумно потолковать о жизни, но и все. А тут – вся судьба за доллар! Нет, точно, наша страна богаче, наша страна щедрее, наша страна интереснее. *Уста правды говорят вам.*

Одобрительно кивнув Оле, я неторопливо поднялся наверх, на площадь, над которой нависала тень долгостроя (недостроенная гостиница), такого ужасного, что там не жили даже совы. Может, одинокие бомжи приползают умирать в эти руины, подумал я. Настроение у меня было нормальное. Мало ли что случается в жизни. Главное, продолжать дело. Пересидим, пробьемся. Я считал, что день начался нормально. Конечно, у меня осталось всего четыре доллара, но день, считал я, начался нормально. У стен барахолки, подступившей к метро, густо текла, колыхалась, гудела оглушающая толпа, отовсюду сладко тянуло дымом отечества. Я совсем было решил еще пару долларов потратить на шашлык, но рядом со мной тормознул джип «чероки».

2

Мощная накрученная машина с затемненными стеклами.

Но я сразу понял, кто сидит за рулем, укрыв наглые глаза под наглыми солнцезащитными очками.

Конечно, Шурка.

Шурка Сакс, который в нашем классе, а потом в Водном институте учился хуже всех. Который не хотел учиться. Которого в детстве прозвали Саксом за неистовую страсть к музыке. Правда, саму музыку Шурка не понимал. Ему было все равно – наигрывают «Чижику» или Вебера, главное, чтобы звучал саксофон. Он каменел, услышав голос саксофона. Это было что-то вроде болезни. Когда мы создали школьный джаз, Шурку в очередной раз выгнали из школы, но он регулярно приходил вечером к школе и торчал под окном музыкального класса. В такие минуты даже первоклашки его не боялись. Можно было махать перед его глазами рукой, он ничего не замечал. Но если, не дай Бог, очнувшись, обнаруживал обидчика, расплата оказывалась страшной.

Конечно, Шурка.

Нос у него был как у орла – двуглавого.

На широких плечах голубела джинсовая жилетка на многих заклепках, вместо нормальных штанов он носил потертые джины. Не знаю, были ли на Шурке трусы, но ни майки, ни футболки под джинсовой жилеткой не замечалось. Только темная шерсть торчала, густая темная шерсть, как у медведя.

– Я, блин, гоблин, а ты, блин, кто, блин? – радостно заорал он. – И приказал: – Прыгай в телегу!

Шуркины манеры (если это можно назвать манерами) не изменились. И словарь не стал богаче. «Стрёмно не показываться на глаза! – орал он, круто выворачивая руль джипа. – Я думал, ты в своей сраной Америке. Когда явился? Зачем молчок? – И заржал, заглушая шум города: – Шарахнем шампусика? Шампусик липуч, а, Андрюха?»

Устроились мы в кафешке за барахолкой.

Нескончаемая толпа Шурку не смущала. Наоборот, толпа его радовала. Он любовно смотрел на озабоченных пиплов, безостановочно и как бы даже бессмысленно кружащихся в душном пространстве, строго размеренном торговыми рядами – водовороты, облака, чудовищные скопления серых озабоченных мотыльков, а может, саранчи, кто знает? Он с удовольствием закурил и подsunул мне под нос оба принесенных шашлыка и кружку пива. «А вам?» – ухмыльнулся рябой толстый шашлычник, похожий на пивную кегу. Видно, он хорошо знал Шурку. – «А мне что-нибудь легкое перекусить». – «Ну, кусок медной проволоки устроит?» – «Я тебе пошучу, балабан!»

Все у Шурки здорово получилось.

Без всякого напряжения.

Кстати, дом, в котором он вырос, народ заселял крутой: профессора Западно-Сибирского филиала Академии наук, доктора наук, члены-корреспонденты. Некоторые в конце пятидесятых приехали в Энск из Томска, другие из Москвы, но Шуркин отец родился и всю жизнь прожил в Энске, он был дворником. Впрочем, однокомнатная служебная квартира дворника в профессорском доме тоже не выглядела тесной. Правда, главным заводилой (что Шурку, понятно, раздражало) всегда считался во дворе Юха (Ефим) Толстой – сын палеоботаника, есть такая профессия. Толстой-старший в экспедициях собирал и описывал отпечатки вымерших растений, а Юха верховодил дворовыми компаниями. С писателями Толстыми Юха будто бы не находился в родственных отношениях, а вот известные российские адмиралы почему-то ходили в его предках. Нахимов, Ушаков, Лазарев... Мыс Калиакра, Синоп, Малахов курган...

Еще Юха обожал Высоцкого. *Потеряли истинную веру, больно мне за наши СССР; отберите орден у Насера, не подходит к ордену Насер...* Многие мы услышали благодаря Юхе. Кстати, он никогда не появлялся во дворе пустой. То тащил домашнее печенье, то показывал настоящий «пестик», выполненный из металла, прямо настоящий пистолет. «Вот приз!» – объявлял он, освещая наши восхищенные лица примусом рыжих волос на голове. И не врал. Приз действительно кому-нибудь доставался. Когда однажды, не выдержав, дворницкий сын решил побороться за лидерство, профессорский сынок проломил ему голову пустой бутылкой. Шурка не умер, но месяц провалялся в больнице, а отец Юхи оплатил лечение. Зато после этого Шурка и Юха (как иногда бывает) заключили вечный мир, да так и вошли в большую жизнь. Горбачев и его команда уже вовсю раскачивали корабль, масса трусливых крыс с писком бежала с борта, мутная вода кипела от дельцов всех видов и марок. Мы с Шуркой успели попасть в Водный (Шурка что-то там схимичил на вступительных экзаменах), а Юха гордо отправился в Томский университет. К моменту нашего выпуска империя шумно затонула. Меня подобрал Вадик Голошекий, Шурка куда-то пропал из виду, Юха откровенно спивался. Ничего необычного, через это все прошли.

– Что за зверь? – спросил я Шурку, поедая шашлык.

– Собака, наверное.

– Я о машине.

– Ну, скажешь! – любовно протянул Шурка. – Хороша Маша, к тому же, наша! Америкашки – совсем придурки, – весело пояснил он, – но техника у них будь здоров. Вот вроде и не народ, да? – всего-то какие-то переселенцы, а вещи делают крепко, сам знаешь. Как встали Саддаму, так тысячи таких вот джипов побросали в Азии и в Европе. Им все по барабану. Машина всего тысячу верст пробежала, а им уже западло. Сразу на распродажу. Я свою, например, взял без сидений. Не знаю, почему оказалась без сидений. Может, какой америкашка испачкался, когда Саддам на него сапогом топал. Они ведь смелые только когда с накрученной техникой. Может, увидел какой америкашка в открытую саддамовского ворошиловского стрелка, ну и испачкался да? – обрадовался Шурка своей догадке. – У нас еще Ленька Шведов взял такой джип, потом, правда, помер. Крепкий был мужик, типа литр водки выпивал в сутки, а помер.

– От чего?

– Понятия не имею, – Шурка нагло помахал рукой проходившей мимо красавице: – Девушка, где берут такие кривые колготки? – И услышав в ответ: «Хам!», счастливо заржал.

Жизнь распирала Шурку.

Был он рослый, красивый, орлиный нос несколько не портил его, только выдавал орлиную породу. Настоящей уверенностью несло от Шурки и я сразу понял что мне повезло. Отсидимся, перебьемся, это точно. Теперь я знал, что день действительно начался правильно. «Чего тебя занесло в парашу? – Шурка явно имел в виду Америку. – Чего не сиделось дома? Ты только посмотри, сколько здесь лохов, – любовно указал он на толпу. – А ты слинял куда-то за океан. Зачем?» – «Вадик определил в бизнес-школу». – «Ты сумасшедший! – заорал Шурка. – Бизнес следует изучать на местах и в процессе. – И заорал еще веселее: – Водочки хочешь?»

– Не хочу.

– А с негритянкой спал?

– Один раз.

– Да ну? – не поверил Шурка.

– Зачем врать? У них пятки розовые.

– Как у мышей? – еще сильнее не поверил Шурка.

– Точно.

– У всех розовые?

– Наверное, у всех, – кивнул я, добираясь до второго шашлыка. – Но я со всеми не спал. А та, с которой спал, на мышь не походила. Черная, как ночь, а чистенькая. Американцы моются по пять раз в день. От них так и прёт запахом чистого тела. Сечешь разницу? Вот от тебя, например, прёт потом и псиной, а от них – чистым телом. И, заметь, они практически не курят. Особенно «Приму». Правда, пива там, хоть залейся.

– Вот я и говорю – типа параша, – ошеломленно согласился Сакс. – Ты лучше про баб расскажи, про политику я сам знаю. В настоящий бордель заглядывал? Шампусик липуч? Ну? Липуч шампусик?

– Был в «Шоу-Плаза».

– А это что?

– Заведение типа ночного клуба. Там бабы день и ночь прыгают. Большая стойка квадратом, внутри подиум с двумя шестами. Ты садишься на табурет перед стойкой и стопочку баксов перед собой кладешь – однодолларовыми купюрами.

– Однодолларовыми? – удивился Шурка. – Зачем?

– А бабы извиваются вокруг шестов.

– Типа голые?

– Не типа, а просто голые, – засмеялся я. – А ты сидишь и потягиваешь пиво. Какая-то отвалит от шеста и к тебе. И так выгнется, и еще вот так, и еще вот этак. И все только для тебя. Сечешь? И все неторопливо, чтобы ты каждый сантиметр рассмотрел. К этому ведь не привыкаешь, – ухмыльнулся я.

– Вот сучки! – чуть не застонал Шурик от зависти. – А потом?

– Насмотрелся, доллар в зубы.

– И все?

– Для других дел есть другие места.

– А почему только доллар?

– Так принято.

– Я бы столик сунул, – презрительно сплюнул Шурка. Непонятно было, поверил он мне или нет. – Я бы от души сунул! Сучки-то хоть классные? Небось, все американки? Негритянки? У них, наверное, все наружу?

– А вот ты сейчас упадешь, – предупредил я. – Сучки там, в основном, наши.

– Как это наши?

– А так, – подтвердил я. – Крутят бедрами, груди так вверх-вниз и летают. Классные девки. Но одна из Питера, другая из Минска, другая из-под Рязани. У некоторых дома мужья, дети. Летают в Америку вроде как к подругам, а сами нелегально подрабатывают в ночных клубах. Своим мужикам, понятно, лепят дома про богатых подруг, а сами задами крутят. Наглые они там, наши бабы. Билет берут в одну сторону, обратно их полиция высылает.

Шурка покачал головой.

Было видно, что наши бабы его расстроили.

– Да ладно, – успокоил я Шурку. – Успеет еще про баб. Лучше расскажи, что у тебя нынче?

– Да так... Мелкий гешефт... – ухмыльнулся Шурка.

– Сколько заколачиваешь?

Он назвал сумму и я понимающе покачал головой:

– Ты сразу начинал круто.

– Это ты про валютные операции? Брось... Мелочи... Я в институте на военных орденах больше имел. – Шурка знал, что я не завидую. – Тебя в парашу козел закинул?

– Он, – сразу понял я. – Вадик. Я на него работал. Не знаешь, где Вадик сейчас?

– Знал бы, сыграл поминки, – хохотнул Шурка. – Голощекого многие ищут. Он многих кинул. Я для него нежную надгробную надпись придумал: «Спи спокойно, понял, падла!»

Никогда не писал стихов, а вот придумал. А у входа на кладбище поставил бы указатель: «К нашему Вадику!» Чтобы, значит, все знали, где надо плюнуть. Вадик чисто всех кинул. Когда повязали главбуха, на счетах Вадика оказалось совсем пусто. Как на Северном полюсе. Оказывается, главбуха он вообще держал только для вида, просто никто не догадывался глубоко копнуть. А теперь Вадика не достать. Ох, чувствую, не достать, не достать! – выругался Шурка. – Прячется где-нибудь на Кипре.

– Почему на Кипре?

– Ну, не в Болотном же ему прятаться с такими деньгами, правда? – Шурка ухмыльнулся: – Тебя, говорят, Вадик как-то особенно кинул, да? Если не секрет, что осталось?

– Квартира.

– Уже хорошо! – развеселился Шурка. – Раз квартира есть, все будет. Я тебе полную квартиру баб нагоню.

– У меня там пусто.

– Обижаешь, братан, это Америка тебя испортила, – обиделся Шурка. – Это в Америке человек человеку – волк. Там развитой капитализм, а у нас все только начинается. У тебя, значит, в квартире пусто, а я к тебе баб просто так пришлю? – совсем обиделся он. – Ну, ты скажешь! – Он даже сплюнул. – Да каждая притащит большую корзину, а в каждой корзине будет лежать скатерть-самобранка! Сечешь? Они тебе даже кровать привезут с подогревом! Отдельный сексодром типа «Людовик XVII». А лично от меня бультерьера. Вот такой, – показал он. – Запросто перекусывает руку. Недавно показывал бультерьера одному придурку. Говорю: смело дразни пса, всю руку суй ему в пасть, он любит такие фокусы! Дескать, не испугаешься, сунешь руку, получишь сто баксов.

– И как?

– Ну, как? – Шурка спрятал наглые смеющиеся глаза под солнцезащитными очками. – Ну, получил однорукий придурок свои сто баксов... Жалко, что ли?... Пусть теперь ни в чем себе не отказывает...

– Ладно, а Вадик-то? – вернулся я к своим мыслям. – Неужели Вадика Голощекого никто не искал?

– Еще как искали!

– Но ведь не нашли?

– Не нашли, – подтвердил Шурка.

– А я ему парашют привез.

– Что-то я не всосал. Какой такой парашют?

Я рассказал.

Перед самым моим отъездом в Америку Вадик конфиденциально попросил: ты привези мне *стиллет*, Андрюха. Я еще подумал: куражится. Хорошие ножи запросто можно купить в Энске, стилет тоже. На барахолке такие теперь ряды, что бери что хочешь: хоть стилет, хоть Макара. А Вадик дружески приобнял меня за плечо (в то время он, конечно, уже обнимал мою жену, один я, как полагается, об этом не знал) и пачку баксов опустил в карман. «Стиллет», любовно объяснил он, это название парашюта. Есть такой специальный парашют системы «стиллет». Вадик со студенческих лет любил с парашютом прыгать. Мы в бар, а он – в Бердск на аэродром или в поле под Мочище. В те дни Вадик уже, наверное, собрался всех кинуть, давно про себя все решил, так вот какого черта он мне заказал этот парашют? Ведь знал, что, вернувшись, его не застану. Ни его не застану, ни фирму, даже свою жену. «Ты сечешь? – спросил я Шурку. – Я ведь, правда, купил ему парашют».

– Это он баки тебе забивал, – авторитетно пояснил Шурка. – Вадик каждому так забивал баки, чтобы, значит, общая молва шла о нем добрая. Поэтому у Вадика все так гладко и получилось. Ну, типа, какие у кого возникнут подозрения, если Вадик редкий парашют заказывает, отстегивает на парашют валюту, да? Как в анекдоте. «У вас раки свежие?» – «Сами видите,

только что уснули». – «А почему от них так несет?» – «А вы когда спите, себя контролируете?» – Шурка нагло ухмыльнулся. Это у него здорово получалось. – Говоришь, оставил парашют на таможне? Продай квитанцию.

– Зачем?

– А я выкуплю парашют. На память о Вадике. – Шурка взглянул на часы. – Пожрал? Тогда изобрази сытую отрыжку. Несколько деньков поездишь со мной, присмотришься. Лады? – он прекрасно понимал, что я нуждаюсь в работе. – Если дело покажется стоящим, пойдешь ко мне в напарники. Только купи джинсовую жилетку. У нас это вроде формы, чтобы своих узнавать. Держи на первый случай, – он сунул мне несколько бумажек. Штук пять, кажется. С портретом какого-то американского президента, вечно я их путаю. – Ты, небось, подумал, что Шурка Сакс потреплется и уйдет, да? А я не Вадик, я не Голощекий, я друзей не бросаю. Я же вижу, что ты в большой дыре. Со мной ты запросто встанешь на ноги. И на бабу свою плюнь. Ушла, значит, так надо. Всосал? Сейчас это сплошь и рядом. – Он нагло и весело заржал: – О бабах вообще не надо. Любую купим! Помнишь, как девчат гоняли в нашем дворе, а? Была там одна, однажды половинкой по башке смазала. Везло мне на голову.

– Хороший гэг.

– Это чего? – не понял Шурка.

– Ну, это когда ты получаешь по башке, а другие смеются.

– Это все твоя сраная Америка, – подозрительно хмыкнул Шурка.

– Чего ты все время приставал к девочкам?

– Так профессорские дочки! Это же просто, даже китаец поймет! – обрадовался Шурка. – Я их, глядь, всех перещупал. Типа они теперь меня помнят. Я так и хотел, чтобы они меня помнили. Все думал, одна какая-нибудь вырастет моей женой, глядь, перееду в три комнаты, тесть будет настоящим профессором, да? Были, были такие мечты, Андрюха, не будем скрывать. Зато теперь проблем нет. Мечты ушли, зато проблем нет. Всосал? Я теперь в силе, Андрюха, – сдержанно похвастался он. – Наш Фазан взял вольвешник, а у меня американский джип. Потом я тебя представлю Фазану. Он – крупная птица! Ты отнесись к нему с уважением. Тут недавно мой напарник сел за бытовуху, – весело пояснил Шурка. – Напарник – козел, и баба у него не чистая оказалась. А нам наплевать! Выше голову!

3

Конечно, день так просто не кончился.

Сперва мы катались по городу, потом оказались где-то на Фабричной, в огромной Шуркиной квартире. Появилась водочка, появились девочки, наконец, появились правильные пацаны, речь пошла обо всем на свете, поэтому я свалил. Ненавижу беседы обо всем на свете, они никогда ни к чему не приводят.

Утром Шурка за мной заехал.

Вид у него был потрепанный, но постепенно он разошелся и (с перерывом на обед) мы проехали с ним часов пять.

Жара сгустилась. Над Левобережьем повисли сизые тучи, страшноватые на вид, но в центре с особой злобой палило солнце. Зной все сильнее окутывал каменный город. «Пахнет грозой», – нагло ржал Шурка, но пахло не грозой, а бензином и пылью, и еще какой-то гнильцой. Когда вся страна гниет, гнильцой несет отовсюду.

Впрочем, страна Шурку не колыхала.

– Есть одно заведение, – намекал он и в черных его глазах зажигались таинственные огоньки. – Ну, настоящая мечта, а не заведение! Я тебе покажу. Сидит там матерый человек. Ну, типа такой кабан по жизни, бывший таксист Костя Воронов. Я ему прямо намекаю: ты съезжай, Костя, по доброму, оставляй заведение, а он ни в какую, не понимает.

Тяжелый мужик. Было у него, замели на пятнадцать суток – еще в империи, так он, гуляя по двору вытрезвителя, какому-то случайному прохожему продал по дешевке казенный мотоцикл, можешь себе представить? – Шурка осуждающе покачал головой. – Вот такие, как Костя Воронов, сгубили империю. А теперь держит заведение. Никакого стыда. Но заведение уютное, душа радуется. Называется просто – «Брассюри». Почему, Костя, спрашиваю, «Брассюри»? А бывший таксист только жмурится, а вот, говорит, красиво.

Время от времени Шурка тормозил то у лавчонки, то у ларька.

Я оставался в джипе, поглядывал из-за опущенного стекла на сизый и смутный мир. Шурка что-то там говорил, весело и бесцеремонно наваливаясь животом на прилавок, иногда кивал издали. Как мы заранее договорились, я отвечал таким же кивком. В ответ, как китайский болванчик, начинал кивать лавочник. Смотрит издали, ничего не понимает, козел, но кивает. Я сам к лавочникам и ларечникам не подходил, но отлично знаю, что в этот момент пряталось у них в глазах. Отними у негра, у афроамериканца, значит, барабан, у него с глазами случится точно такое самое. Видел я это еще у Вадика, поэтому старался не поглядывать лишний раз в сторону лавочников и ларечников, потому что окончательно еще не решил, пойду ли к Шурке работать. Наверное, пойду, думал я, с чего-то начинать нужно. Даже обязательно пойду, но зачем торопиться?

– Что-то я не всосал, какие такие «люди»? – заржал Шурка, когда я поделился с ним некоторыми сомнениями. – Это ты о ком? Это же бараны, ты что? У них есть бабки, пусть делятся. Они же прекрасно знают, что лучше частью поделиться, чем потерять все. Ты что, братан? Я же у них не прошу, они сами дают. Они знают Фазана, потому и дают. Сам подумай. Ну, кто их защитит, кроме Фазана? Без его пацанов, то есть, без нас, всякое может случиться. Утром встанут, к примеру, а торговый квартал лежит в пожарищах, как Бобруйск после войны. А? «Люди!» – презрительно фыркнул он. – Тут тебе не какая-то сраная Америка. У нас все всерьез. У нас ментов бояться до смерти. Конечно, и бандитов бояться, но ментов больше. Сечешь? А мы, – ухмыльнулся он, – самая надежная крыша. Мы же свои, нас все знают, мы слово держим, мы не какие-то там залетные бандосы. Благополучие всех этих баранов покоится на наших мышцах. Всосал? Это же просто. Даже китаец поймет.

Шурка выходил из джипа.

Раскованный, ловкий, нырял в лавку.

В лавке полумрак, думал я, уют. Там поблескивают ласковые бараньи глазки лавочника. Такой действительно все поймет, не китаец.

Потом Шурка возвращался – ловкий, довольный, застегивал кожаную сумку на пояс. Иногда его провожали. Иногда что-то говорили. Может, убеждали, упрасивали, не знаю, не прислушивался. Не хотел прислушиваться. Какая разница? Все клопы. Особенно Вадик Голощекий был клопом. Очень большим клопом. Насосался и отвалил неизвестно куда. Из-за Вадика я теперь болтался с Шуркой по городу. Хотел, вернувшись из Штатов, удивить Вадика знаниями, поднять бизнес на невиданные высоты, а вся учеба полетела коту под хвост. Я бы тоже, как Шурка, с удовольствием начертал на могилке Вадика: «Спи спокойно, падла, понял!» Это ведь из-за Вадика я вернулся в пустую квартиру. Сперва жена перестала звонить, потом все-таки позвонила. Попрощаться, как она выразилась. С ее слов я и понял, почему от Голощекого перестали приходить деньги. В последние дни в Нью-Йорке я не то что порк, самый дешевый гамбургер заказать не мог. Не терплю гамбургеров, баранья пища, но жрать хотелось. Терпеть не могу хлебных батонов, набитых ветчиной, овощами и кетчупом, меня от них тошнит. Прав Шурка – сраная Америка. Но я там многому научился, не с Шуркой бы сейчас мотаться по городу. Ведь научился же!

Ладно, думал я, всему свое время.

С чего-то все равно начинать надо. В этом смысле, Шурка – не худший вариант. Тем более, что он однозначно прав: дают, надо брать. В конце концов, все эти бараны действительно

хотят спокойной жизни, они нуждаются в надежной крыше. Интересно, сколько берет Шурка с бывшего таксиста, заведеньице которого ему нравится?... От души, наверное... А бывший таксист разве пожалуется Фазану? Да нет, конечно... Если какое-то время поработать в паре с Шуркой, расчетливо прикидывал я, на ноги встать можно быстрее, чем я планировал... А если Шурка действительно отхватит «Брассьюри», вдвоем многое можно сделать. Через год, через два можно иметь несколько таких заведений, заняться делом. И голова по поводу законов болеть не будет. Калаш под рукой, Макар под подушкой... Как по другому жить в городе, в котором милиция, найдя труп с несколькими пулевыми дырками в голове, официально заявляет, что человек покончил с собой, а то просто расшибся, споткнувшись о камень? А пьяного бомжа и поднимать не станут, руки о него марать.

В общем, я склонялся к тому, чтобы принять Шуркино предложение.

А он, вернувшись из очередной лавчонки, добил меня, заявив, что в течение пяти дней до нашей встречи каждое утро проезжал мимо моего дома, даже пару раз видел меня, но тормознул не сразу.

Почему не сразу?

Да потому, что нужно было тебя проверить, ухмыльнулся Шурка. Теперь-то я точно знаю, что квартира у тебя пустая и ты не врешь. А квартира у тебя даже слишком пустая, ухмыльнулся он. Типа, помнишь, когда хозяин тараканов все пугал: нет жратвы, нет жратвы! Все думал, что испугаются, уйдут. А однажды ночью раздался шорох, потрогали хозяина за плечо. Он глаза раскрыл, а тараканы в полукруг стоят у дивана. Потом старшой прохрипел: вставай, хозяин, мы тебе жратву принесли!

Мы посмеялись и Шурка сказал: в жизни так не бывает, Андрюха. Никто нам (даже тараканы) жратву не принесет. Да нам с тобой и не надо. Мы с тобой хорошие дела завернем, я к тебе давно присматриваюсь. Всосал? У тебя, правда, позавчера было в кармане всего только четыре бакса? – веселился он. Ах, ты еще бакс в метро отдал девке? Клёво! Три, значит, осталось! Шурка от души веселился, даже ударил ладонью по клаксону, когда мы совершали кругосветку вокруг барахолки, но вывернула из-за светофора бело-голубая ментовская машина и он эти штуки оставил.

Четыре бакса!

Ну, это правильно, что ты не пожалел, что сунул бакс девке, ржал Шурка. Все-таки счастье нагадала, сучка. Все у Шурки почему-то были сучками. Ты ей на обратном пути еще один бакс сунь, предложил он. Пусть у нее от удовольствия пятки порозовеют, как у негритянки. Пусть она теперь ни в чем себе не отказывает. Годик вместе поработаем, Андрюха, тут бабки нормальные крутятся, заодно заломаем Костю Воронова. У него мозг таксиста, как раз за год созреет. А понадобится, мы Косте покойника подкинем в кафушку, ржал Шурка. Тогда совсем кранты Воронову, очень уж место хорошее. А мы поставим дело на лад, управляющего найдем, в отпуск будем мотаться прямо в парашу, то есть в Америку. Однажды к тем самым сучкам подвалим, которые из Саратова или откуда ты там говорил? Из Питера? Ну, и лады. Хотя, нет, обрадовался Шурка, чего это я? Мы к ним подвалим прямо в Питере. Надо же пристыдить, русские же сучки! Вокруг детишки, мужья в модных шляпах: ах, мамочки, ах, лапочки, вот к подружкам в Штаты летают! – а мы издали им бакс покажем: эй, дескать, девочки! Думаешь, не разденутся?

– Холодно в Питере.

– Аллё! – весело откликнулся Шурка на писк моби́льни́ка. – Чего, чего?... На работе, конечно... Кредита хочешь?... Сколько, говоришь, сколько? – удивился он. – Ну, ты загибаешь! Время сейчас такое, просто так кто даст?... Но интересно, интересно, не спорю... Что там у тебя в залоге? Квартирка?... Да ну, мне ли не знать про твою квартирку! Дыра у тебя, а не квартирка! У черта на рогах, на любителя... Дачка?... Ну дачка ничего, не спорю? И баньку знаю, сам парился-жарился. Бак в печке еще не прогорел? Вот и отлично... А про машину не

надо, ты мне про свою машину даже не говори... Да? Теперь у тебя бээмвушка? Когда появилась?... Ну, в натуре, не знал... Сколько, сколько, говоришь, хочешь процентов? Двадцать пять?... Ладно, заеду, мама...

– Кого это ты называешь мамой?

– Да бывшую тещу, ну, как бы тещу, – весело объяснил Шурка, бросая мобильник на заднее сиденье. – Помнишь Борьку-биксу? Биксе все по барабану, он – дурак, он у меня подружку увел. А это я говорил с мамашей бывшей подружки. Сильно деловая женщина. И удачливая. Я таких уважаю. Мне сейчас, Андрюха, не подружки нужны, а умные люди. Вот такие, как ты. А Борька-бикса пусть живет с моей бывшей подружкой, хрен с ним, у меня на них зла нет. Мы с тобой на все эти амурные дела крепко поклали, всосал?

И весело хлопнул по рулю:

– Вот я тебе покажу «Брассьюри».

4

Но заведеньице бывшего таксиста Шурка показал мне только через три дня.

Странный выдался день. С утра Шурка почему-то нервничал.

«Брассьюри».

Действительно стоял в оживленном месте двухэтажный из красного кирпича дом с двумя высокими башенками, несомненно, функциональными. Что-то там можно хранить, подумал я, а можно кабинет устроить. Отремонтировать деревянные пристройки, сменить вывеску, – никто мимо не пройдет. На фоне грязноватых обочин, серых пятиэтажек и пыльных тополей заведеньице бывшего таксиста смотрелось как дворец, правда, сильно запущенный. Особенно нехороши были старые тополя, густо рассыпавшие по обочинам сугробы белого пуха. Но тополя можно срубить, заодно освободится подъезд к заведению.

– Большому куску рот радуется, – понял мои мысли Шурка. Что-то он действительно нервничал. – Нравится заведеньице? Мы с тобой найдем надежного управляющего, чтобы самим не стоять за прилавком. Всосал? А бывшего таксиста выкурим. Как одинокую осу. Видишь, под стрехой уже кирпич сыпется? Надо бы ремонт провести, а Костя гоняет по окрестностям шашлычников с лотками и думает, что развивает отечественную экономику.

На стеклянной входной двери красовалась картонка: «Закрито», но Шурка без раздумий толкнул дверь.

В просторной светлой зале, густо заставленной дешевыми пластмассовыми столиками, стояла у стойки, покрытой нержавеющей сталью, улыбающаяся молодая женщина, в кудряшках по плечи, как овца. На ней была светлая блузка и такая же светлая юбка с претензиями. Наверное, зашла к Косте Воронову; три его работницы за столиком у окна допивали кофе-эспресс.

Это меня страшно удивило.

Какой такой перерыв в самое горячее время суток?

Зато Костя ничем не удивил: самый обыкновенный здоровый кабан, ушастый и крепкий. Светлые брюки толстили бывшего таксиста, полосатая рубашка, заправленная в брюки, подчеркивала брюхо. Но, возможно, он гордился этим. Я, например, знал человека, который гордился тем, что у него шесть пальцев на левой руке, дескать, пивную кружку ловчей держать. Не знаю, кем являлась для Воронова кудрявая женщина, стоявшая у стойки, но Костя при кудрявой явно не хотел выглядеть идиотом. В любое другое время, в любой другой обстановке – все, что угодно, но не при ней. Шурка это, видимо, понял, потому что заорал с порога:

– Костя, ты анализы сдал?

– Какие анализы?

– На глистов.

Шурка вдруг изменился. Он точно в этот день нервничал. Я видел, что он нервничает, может, предчувствовал что-то. Говорят, такое бывает. А может, не любил Костю. Даже скулы у него выперли и взгляд стал колючим. «Тебе, Костя, – заорал он на все заведенье, – глистов лучше вывести сразу и навсегда, чем оплачивать штрафы!»

– Это Шурка Сакс... – кивнул Воронов побледневшей кудрявой подружке так, будто она сразу должна была все понять. Но если кудрявая и слышала раньше о Саксе (наверняка, слышала), то анализы на глистов ее буквально убили.

– Книгу купил? – орал Шурка, подходя к стойке и тыкая пальцем в какую-то растрепанную книжку. – Косишь под интеллигента?

Подружка Воронова смотрела на Шурку с нескрываемым ужасом. Зато бывший таксист смотрел злобно. Вблизи его лицо показалось мне каким-то недоделанным: все смазано, только глаза горят. «Я в твоём возрасте разгружал вагоны...» – начал он зловеще, пытаясь вернуть престиж, но Шурка обидно свернул:

– Пока не застукали!

И протянул руку.

Я думал, что Костя врежет ему по руке.

Я обязательно врезал бы, но бывший таксист и это съел.

Злобно засопев, он полез в карман и выложил на Шуркину ладонь несколько банкнот, стянутых красной резинкой.

– Видишь как просто, – нагло хохотнул Шурка. – Это даже китаец поймет. А Косте я премию обещал, – все так же нагло объявил он Костиной кудрявой подружке, забывшей улыбку. – Как только выведет глистов, я ему голубые штаны пошью. – И глянув на тихих работников, испуганно потянувшихся на кухню, еще более нагло кивнул: – Знакомься, Костя, это Андрюха.

Я кивнул, потому что было ясно, что бывший таксист руку мне не протянет. Он только подозрительно пробурчал:

– Что-то с другими ты меня не знакомил...

– А другие бы тебе не понравились, – нагло сообщил Шурка. – Уважай Андрюху, он большой человек. Он в Америке учился, не задирай нос. Андрюха там с негритянкой спал, – счел нужным объявить Шурка кудрявой Костиной подружке, побледневшей от такого сообщения. – Это как с обезьяной. Или с овцой клонированной. У них у всех пятки розовые. Это у негритянок. Точно я говорю, Андрюха?

Поняв, что никаких решительных действий ждать от Воронова не приходится, кудрявая подружка пришла, наконец, в себя. Презрительно фыркнув, она презрительно поплыла к выходу. Не знаю, чего она ждала, в самом деле. Может, драки, хотя бы перепалки словесной, но, видимо, это был не Костин стиль – не собирался бывший таксист затевать драку в собственном заведении. Да и к чему? С собственной крышей. Пытаясь снять напряжение, я спросил, почему на вывеске выведено «Брассьюри»? – но Костя мне не ответил. Он мрачно смотрел, как уходит его кудрявая подружка (кто знает, может, навсегда), а когда дверь шумно захлопнулась, вздрогнул.

Почему-то это страшно не понравилось Шурке.

Подняв со стойки пузатый стеклянный фужер, он брезгливо его обнюхал:

– Чем людей поишь?

– Антиникотиновый чай, – еще мрачнее ответил Костя. – У меня есть постоянная клиентура.

Это еще больше не понравилось Шурке.

– Постоянная? А это что? – заорал он, сметая со стойки посуду. На звон стекла выглянула из кухни посудомойка и мгновенно скрылась. – А это что, это? – орал Шурка. – Презервативы? Зачем в честном заведении презервативы? – Грохот и звон бьющейся посуды возбуждали Шурку. Он даже оглянулся, требуя от меня поддержки, но я промолчал.

Это его отрезвило.

– Вот все говорят, что ты дурак, Костя, – произнес он неожиданно спокойно. И спросил: – Сам-то что об этом думаешь?

– Неправда это!

– Тогда налей по наперстку, нервы утишить.

– Что для тебя наперсток?

– Да мне для запаха, дури своей хватает, – совсем уже спокойно ухмыльнулся Шурка. И кивнул мне: – Всосал? Мы Костю храним, как ангелы, без нас его конкуренты давно б зарезали, а у него, у дурака, одно на уме: о, Господи, в ужасной смерти не откажи! Не поверишь, такая у него молитва на каждый день. О, Господи, просит он каждый день, в самой ужасной смерти не откажи! В такой самой ужасной смерти, чтобы весь мир содрогнулся, ведь не для себя прошу!.. – По моему, Шурку уже заносило. – Такие у Кости молитвы.

Сплюнув, Шурка двинулся к выходу.

Бывший таксист остался на месте. Он был опозорен, он был унижен. От него оттолкнули кудрявую подружку, побили посуду. Собственные работницы видели его унижение. Но он остался на месте.

Мы вышли на улицу.

Сразу дохнуло влажным жаром, бензином, гнилью. Невыносимо ярко сверкнуло солнце из-за листвы. Классный, конечно, уголок, если его почистить... Я шел к машине и оглядывался. Как это ни странно, Шуркина мечта почему-то сразу запала мне в сердце. Раз не может бывший таксист постоять за себя, туда ему и дорога, невольно подумал я. Не позволим мы бросить на произвол судьбы такое заведение!

В этот момент из тормознувшего в стороне (у какого-то отделанного под мрамор подъезда) шестисотого «мерса» вынырнул крепкий человек. Цвет «мерса» клюквенный, а сам хозяин был толстобрюхий, лысоватый, но очень подвижный. Он что-то говорил на ходу, фыркал и смеялся. Пиджак малинового цвета, как водится, на шее добротная голда, с надрезами, наверное, чтобы оборвалась, когда хозяина будут вешать. На поясе, как у монтажника-высотника, болтались мобильник, золотая зажигалка, какие-то ключи, что-то там еще было, может, универсальный консервный нож.

– Это Труба... – ухмыльнулся Шурка. – Это известный человек... У него рука легкая... – Шурка одобрительно ухмыльнулся, но было видно, что он действительно нервничает. – Поставим дело, сами купим клюквенные «мерсы»... Станем одинаковыми, как детдомовцы... Чтобы Труба не задирался...

Он что-то еще сказал, но я не расслышал.

Меня отвлек звук работающего на форсаже движка.

Вообще-то, в людных местах движок машины не должен реветь так мощно.

Голубой, ничем не примечательный «жигуленок», как торпеда, вылетел из-за пыльных старых тополей. Левое боковое стекло было опущено, наружу торчал ствол Калашникова. Все было как во сне – стремительно, и в то же время, как в замедленной съемке. Поскольку все это не имело к нам вообще никакого отношения, я не успел даже пригнуться.

– О, черт!

Шурка стоял лицом ко мне, прижавшись бедром к открытой дверце своего джипа. Я видел, как что-то вдруг изменилось в его лице... Мгновенно и странно... Он будто удивился чему-то... Какое-то удивление... Не знаю... Даже сейчас мне трудно объяснить, что вдруг изменилось в его лице... «Давай в машину!» – крикнул я и увидел черную дырочку на Шуркиной джинсовой жилетке. По краю дырочка была смазана чем-то еще более черным. Я дернул жилетку на себя и увидел круглую ранку, чуть обведенную кровавым кружком. Она чернела на сантиметр выше левого Шуркиного соска.

Все нереально было.

Нестерпимые вспышки Солнца сквозь колеблющуюся листву, столь же нестерпимый влажный зной, несмолкаемый гул улицы. Никто ничего не успел увидеть, «Жигуленок» уже исчез. Я толкнул Шурку на правое переднее сиденье джипа, оказавшееся как раз под ним. Вытягивая из кармана мобильник, он жестом показал мне: гони!

– Куда? – крикнул я.

– Ко мне, – отрывисто ответил Шурка.

Он действительно ответил странно отрывисто, будто экономил слова или не мог их вспомнить. И так же отрывисто пробормотал в мобильник:

– Филин, меня подставили... Мне врач нужен... Срочно... Кто на руле?... Я говорил... Андрюха...

Он опустил мобильник и замолчал.

– Адрес! – крикнул я, выворачивая на площадь и моля Бога, чтобы он не вынес на нас ментов. – Адрес!

У Шурке на Фабричной я был только ночью, надрался, как свинья, увозили меня пьяным и подъезды к дому я плохо помнил. Не тащить же раненого Шурку к лифту на глазах у всех, кто в это время пасется возле дома.

– Не дрейфь... – отрывисто приободрил меня Шурка. Его лицо заметно побледнело. – Засвистят менты, не останавливайся... Не дай обогнать себя или прижать к обочине... Филин потом отмажет...

– Адрес давай!

Шурка не ответил.

По тому, как он завалился на правую дверцу, я понял, что он и не ответит.

Шуркиного адреса я не знал, вслепую мотаться по Фабричной не имело смысла, в любой момент машину могли остановить менты. Не стану я удирать от них, подумал я. Ни к чему мне это. Может, Филин и впрямь потом отмажет, только как правильно ответить на вечные вопросы: чей джип? чей труп? чьи в лесу шишки?...

Вдруг хлынул дождь.

Все вокруг сразу потемнело.

В центре города, свернув на улицу Мичурина, я пару минут трялся прямо по пустым трамвайным путям. Зато джип надежно вошел в темный тополевый двор знаменитого профессорского дома, в котором прошло Шуркино детство. Отец его давно помер, сам Шурка много лет жил в других берлогах, я сам тут черт знает с каких пор не появлялся, но Юха Толстой, потомок адмиралов, никуда не мог деться. По моим представлениям он и сейчас должен был валяться дома. Пьяный, конечно.

Так и оказалось.

– Эк набрался!.. – завистливо хмыкнул Юха, открывая дверь.

Он пошатывался, от него несло, как от пивной бочки. Он меня сразу узнал и не удивился. Где-то в комнате крутился магнитофон. *Всего один мотив доносит с корабля... Один аккредитив на двадцать два рубля...* За последние годы примус рыжих волос Юхи несколько поблек, выгорел, выцвел, все равно Юха остался пламенно рыжим. Сгибаясь под тяжестью безвольно обвисшего на мне Шурки (кажется, жив, радовался я, иначе не вцепился бы в какую-то кожаную папку), я спросил:

– Юха, знакомый врач есть?

– Гинеколог... – Юха удовлетворенно задрал полосатый тельник и почесал живот. Выпивка сама явилась к нему. Он явственно чувствовал крепкую выпивку. Одновременно он прикладывался к плоской железной фляжке. – Вот такая баба, сам увидишь... – И вдруг удивился: – Зачем тебе обязательно врач? Я актрисок кликну из музкомедии. Блядей, Андрюха, сейчас, как глины... – И радушно, как только он умел, протянул плоскую фляжку: – Дай приятелю, пусть хлебнет.

- Приятелю нельзя.
- Почему?
- Из него выльется.
- Как это?
- Он дырявый.

Только сейчас Юха разглядел на голой груди брошенного на диван Шурки черную дырочку, из которой почему-то не сочилась кровь. Жадно хлебнув, Юха протянул фляжку мне. «Шурка, что ли?» Я молча кивнул и тоже глотнул. «Я всегда ему говорил, плохо кончит», – неубедительно заметил Юха. Глотку неприятно обожгло: Юха пил какую-то дрянь, настоящую на калине. *Дежурная по этажу грозила мне на днях... В гостиницу захожу бесшумно на руках...* Тем не менее, теплая волна прошла, наконец, по жилам. Вместе с этой теплой волной, так утешительно согревшей тело, я вдруг отчетливо понял, что пруха кончилась, планы, которые я успел наметить, рухнули. Видимо, Господь не захотел простить Шурке измывательства над бывшим таксистом и от души его отхерачил. А заодно поломал мне пруху!

- Он что, язвенник? – как бы издали услышал я голос Юхи.
- С чего ты взял?
- Бледный какой-то очень.
- Вот я и говорю, что тут врача надо, а не блядей. Где у тебя телефон?

Юха кивнул в чрево темной комнаты (кажется, спальни), но в этот момент раздался мелодичный перезвон. Оказывается, Шуркин мобильник остался в кармане жилетки.

- Ну? – хмуро отозвался я.
- Андрюха? – спросил незнакомый голос.
- Он самый.
- Это Филин говорит.
- Ну, привет.
- Ты там типа не дрейфь, конкретно. Шурка коньки не отбросил? Вот и лады. Где, говоришь, хата? На Мичурина? У хорошего корешка? Ну, скажи своему хорошему корешку, что сотню баксов он заработал. Только пусть забудет о Шурке.

И жестко предупредил:

- Вы там никого не зовите, мы сейчас прибудем. Давай адресок. Пацаны, считай, выехали.

5

Приехали трое.

Один умело потрогал пульс, задрал Шурке веко, посмотрел в пустой глаз. *В столовой номер два всегда стоит кефир... И мыслей полна голова и все про загробный мир...*

- Выруби ты эту херню!..

Я прошел в темную спальню и выдернул штепсель из розетки.

Двое молча стояли у дверей и смотрели на рыжего Юху, радушно принесшего пластмассовые стаканчики. Он, кажется, не понимал, что, собственно, происходит. Шуркино положение как-то его не трогало. На журнальном столике лежали старые газеты, он, не глядя, смахнул их на пол. Ну да, он был в дуб пьян. Он действительно не понимал происходящего, хотя рассуждал, на первый взгляд, более или менее здраво. За дверью, открытой на балкон, грохотал трамвай, пронзительно пахло мокрой травой. Так пронзительно, так остро, что сердце прихватывало. Может, это чувствовали и пацаны, потому что отказались пить с Юхой.

Тогда Юха сказал: «Чин-чин!» – и выпил.

А выпив, подмигнув, сообщил:

- Я гомункул.

Врач (если, конечно, это был врач) нехорошо покосился на Юху, но ничего не сказал. Ну, а те двое, что стояли, прислонившись к косякам двери, тоже покосились на Юху. Никто не включал свет, в комнате становилось все темнее. Филина, среди прибывших явно не было. В голове у меня гудело. Я плеснул себе в пластмассовый стаканчик из фляжки, а Юха загадочно повторил:

– Я гомункул.

Туго обмотав грудь Шурки бинтами, врач сказал:

– Значит, так, пацаны. Раненого не трогать. Вообще не трогать. Не переворачивать, не поднимать. Даже переносить с дивана никуда не надо. Ну, подушечку можно подложить под голову. Я вернусь часа через два, наверное, останусь на ночь.

– Тяжело в лечении, легко в гробу, – легко согласился Юха. Все-таки он ни хрена не понимал. Но что-то и до него доходило: – Меня спросят, что скажу? Шурка мертвый ко мне притопа!

– Заткнись, – нехорошо сказал врач. – Вот тебе сотня на расходы и не думай о глупостях.

– Мало.

– А сколько ты хочешь?

– Еще полтинник.

– Это за что?

– А это за диван, – вполне разумно объяснил Юха. – Знаю я вас. Я сплю на диване, а Шурка его обоссит.

– Ты диван продать решил?

Юха пьяно кивнул. Конечно, он не понимал происходящего, но врач, подумав, выложил полтинник. Деревянными. Юха все равно обрадовался:

– Ну, тогда вы тут как дома, а я в лавку, – засуетился он. – В лавку, в лавку, в лавку! – театрално вскинул он руки. – Семужка, коньячок с лимоном. В лавках ныне все есть. Коньячок очищает душу, ведь снова живем. Короче, я мигом, меня везде знают... Я гомункул... А вы тут как дома... Мне что, пусть лежит... – Он, кажется, даже Шурку уже не узнавал. – Ложитесь, где хотите, я мигом... Я не человек, что ли?...

– погоди, – остановил Юху врач.

И кивнул мне:

– Ты чисто, Андрюха, здесь не светись, вали домой. Мобильник оставь при себе, попозже Филин тебе позвонит. Ты запомнил, кто стрелял?

– Откуда? Вылетел «Жигуленок», вот и все.

– Номера, приметы?

– Вряд ли...

– Ладно, иди.

– Там джип стоит во дворе, – сказал я. – Шуркин. Вот ключи.

– А ты на джипе и езжай, – усмехнулся врач. Никакой он, наверное, не был врач, просто опытный пацан. – Чего чужой машине торчать во дворе? Номер у нее ладный, доедешь, менты тебя не должны остановить. Ну, а если все же остановят, сунь им червонец... – он ловко опустил в нагрудной карман моей рубашки пару купюр. – Менты чисто зелень любят. Может, даже честь тебе отдадут. А ты выпишись. Конкретно.

– А что с ним? – кивнул я в сторону Шурки.

– Иди, иди, – повторил врач. – Филин тебе позвонит.

– «Ты угасал, богач молодой!.. Ты слышал плач друзей печальных... – бормотал, прислушиваясь к нам Юха. Было видно, что ему не терпится сбегать в магазин, купюры жгли ему руку. Я только сейчас разглядел его широкое, сильно траченное алкоголем лицо, выцветшие глаза. – Уж смерть являлась за тобой в дверях сеней твоих хрустальных... Она, как втершийся с утра заимодавец терпеливой, торча в передней молчаливой, не трогалась с ковра...»

– Заткнись, – негромко попросил врач.

– Вот какие стихи! – похвастался Юха. – Пушкин отдыхает.

– Все равно заткнись.

– Мне сегодня сон был, – не захотел заткнуться Юха. С деньгами в руках он чувствовал себя уважаемым человеком. – Снилось мне, что гроб несут. Приятеля хоронят. Вы его не знаете. За гробом нарики идут, известное дело. Цветочки, веночки, все путём, все как у людей. Ну, понятно, нарики перешептываются: чего, мол, учудил корешок, куда собрался! Холодно там, темно, сыро, никто там никого не любит. А я, слышь, – сказал Юха врачу, – так и обмер. Это что ж такое получается? – думаю. Холодно, темно, сыро... Никто никого не любит... Это ж получается, что жмура-то ко мне несут!.. Хотя к знахарю обращайся.

– Родился засранцем, знахарь не поможет, – презрительно сплюнул врач. – Ты тут не сильно гуди. Пока не приду, прислушивайся к братану, понял?

– К Шурке-то? – вспомнил Юха. – А он не будет орать?

– Он еле дышит.

Врач требовательно протянул руку:

– Ключи!

– Какие ключи?

– От квартиры.

– Зачем?

– А если ты уснешь? – нехотя усмехнулся врач. – Поднимать из-за этого весь подъезд? Дверь ломать?

– Да ладно, – согласился Юха. – У меня запасные есть. – Было видно, что в целом расклад страшно его устраивает. – Я ушел. Я ненадолго. Семужка там, коньячок... Сами понимаете, я гомункул...

6

На другой день ко мне домой явились двое.

Один крепкий, вполне конкретный с длинной лошадиной мордой, его так и звали – конкретный Толян. Второй – плешивый, в пятнах от лишаев на бритой голове, линиялый на вид. Назвался – Долган. Сказал, что они от Филина и я их впустил. «Сегодня выходишь на работу, с каждого сбора будешь иметь свой процент», – коротко объяснил он. Было в их вторжении что-то нереальное. Сперва я вообще никак не мог врубиться, чего они от меня хотят. «Как там Шурка?» Они меня будто не слышали. «Ты врубайся, пацан. Людей у нас мало. Работу начнешь прямо сегодня. Контроль у нас – во! – Плешивый лихо полоснул ребром ладони по своей длинной, тоже какой-то линиялой шее и предупредил: – Болтай с клиентами в меру. Шурка, к примеру, любил поболтать, а тебе не надо. Выручку будешь сдавать лично Филину. Тебе скажут, где и когда». Противный он был человек, весь похожий на мышь, покрытую плесенью, глаза, правда, не были красными. Второй, конкретный (оба были в джинсовых жилетках), каким-то образом почувствовал мои сомнения и кивнул в сторону Долгана:

– Ты в голову не бери. Он правильный пацан.

– А чего у него пятна на голове?

– Ну, мало ли, пятна, я ж не говорю – красивый, – ухмыльнулся Толян. – Я говорю – правильный.

– А что с Шуркой?

– Потом Филина спросишь, – недовольно покачал головой Толян. – Сейчас начинай работу. Объедешь участок, присмотришься. О тебе уже знают, в голову не бери, да и сам ты успел побывать с Шуркой на всех точках. Кстати, сегодня план сдают четные. Ну, – объяснил он, – те, которые по четной стороне.

– А как быть с Костей Вороновым?

– А что с Вороновым?

– Он как раз на четной стороне, а мы с Шуркой к нему заглядывали.

– А ты опять загляни. Для авторитету. – Плешивый недовольно огляделся: – Чего у тебя так пусто? Мебелишку купи с подножных.

Он не стал объяснять, что такое подножные, но я и не нуждался в объяснениях. Подножных я уже наловил. В первый день Шурка кинул пять стельников зелеными, потом врач – пару. Можно, конечно, и купить... Только для кого?...

– Бар «Под рыбами» знаешь? – уходя, спросил Долган. – Вечером приходи. Посидим, порешаем вопросы, с пацанами познакомишься, чтобы дорогу случайно не перебежать. Ездить пока будешь на Шуркином джипе. Давай паспорт и права, мы доверенность сделаем.

– А сегодня как?

– А сегодня поездишь без документов.

Плешивый усмехнулся.

Наверное, ему показалось, что он меня достал.

7

Самым тщательным образом обшарив все закоулки джипа на предмет утаенного ствола (Шурка запросто мог держать при себе ствол, а мне это было ни к чему), я ничего не нашел, а менты действительно отворачивали глазки в сторону, когда я прокатился по центру. На Вокзальной магистрали я поставил машину у ЦУМа и подошел к шашлычнику, торгующему на углу.

«Даже не скажешь, что из собачины», – заметил я, обливая горячее мясо уксусом.

«Да из свинины шашлык,» – сварливо возразил шашлычник.

«Ну, я и говорю, из свинины», – кивнул я.

«Да точно, точно из свинины, – отмел шашлычник последние сомнения. – У Кости Воронова всегда чисто».

«А ты при Воронове?»

«Уже второй год».

Я послушал шашлычника, но ничего интересного про бывшего таксиста не узнал. Прижимист, но не так, чтобы уж очень... Жить дает... Ничего особенного шашлычник не знал, наверное, да и умел держать язык за плечами. А меня мучили сомнения. Не могли же стрелять просто так – выскочить из-за угла и бить напрямую. В стрельбе должен быть смысл, иначе, к чему шум? Вот кому мог переступить дорогу Шурка?... Многим, наверное... Но сильнее всех донимал Воронова, хотя вряд ли бывший таксист мог решиться на крайности... Трусоват... Это было видно по вчерашнему происшествию в «Брассьюри»...

Не знал я, что думать о выстрелах.

И мысль о Шурке меня не оставляла.

Мобильник мне оставили (тоже, наверное, как средство контроля), но почему-то я не решался позвонить Юхе. Какое-то суеверное чувство меня останавливало. Правда, ночью я звонил Юхе. Он был в стельку пьян, а врач, дежуривший при Шурке, к трубке не подошел. Сейчас Шурку уже, конечно, забрали, переправили в надежное место, а Юха валяется дома без сознания...

Гомункул.

Меня передернуло.

Я запрещал себе думать о Шурке. Я не мог поверить, что с ним случилось что-то такое. Наверное, стреляли все-таки не в него, как-то не с той стороны заезжал «жигуленок». Случайно, наверное, подстрелили Шурку.

Я просто не знал, что обо всем этом думать.

Ну, а насчет четной стороны...

Четная она и есть четная, сказал я себе. Никаких симпатий бывший таксист у меня не вызывал – если надо заехать к нему, значит, надо. Я специально подкатил к «Брассьюри» со стороны торговых рядов и поставил джип так, чтобы из окон кафе машину не было видно. Это было не сложно. Весь нижний этаж соседнего здания, обратил я внимание, занимал офис какой-то фирмы и, несмотря на раннее утро, у парадного подъезда стояло с десятков иномарок. Пара рослых секьюрити в пятнистой форме, скрестив на груди руки, прохаживалась под высоким козырьком, облицованным розовым мрамором. Помпезность сразу бросалась в глаза. Но крепкая, видать, была фирма.

В «Брассьюри» я вошел с черного хода.

Рабочему в сером мятом халате (он укладывал во дворе пустую тару) я успокаивающе помахал рукой: свои, дескать! Он взглянул на меня и призадумался; их, видно, хорошо пасли. Узким коридорчиком, в котором пахло подгорелым маслом и мытыми овощами, я попал на просторную кухню. Посудомойка понимающе кивнула:

– У себя, у себя сам-то...

И хорошо, что у себя, подумал я, неторопливо поднимаясь по винтовой лестнице в правую башенку «Брассьюри». Не знаю, чего хотел я от Кости Воронова, скорее, о Шурке не хотел думать.

А в башенке оказалось не тесно.

Стояли там тяжелый металлический сейф (как только его втащили по такой лестнице?), простой письменный стол, короткий диванчик и два жестких стула. На диванчике боком ко мне расположился бывший таксист. Он внимательно читал газету и не сразу меня услышал. На столе дымилась чашка кофе. Но услышав меня, Воронов вскочил, как ужаленный.

– Чего вскидываешься? Ствол есть?

Он непонимающе заморгал. Толстая морда бывшего таксиста побагровела. Какой к черту ствол? У него даже руки дрожали, когда он бросил газету.

– В интересное время живем, – заметил я, оглядываясь и демонстративно держа руку в заднем кармане брюк. – Куда ни ткнишь, везде удивительное. Окликнешь человека, пугается.

И спросил:

– Ты почему так рано в кафе?

– Совсем не рано, – в глазах Воронова метались тени страха. – Я всегда так прихожу.

– Зачем?

Вопрос не предполагал ответа.

Воронов так и понял, прижал руку к груди:

– Сердце пошаливает...

– Чтобы сердце не пошаливало, веселиться надо, – подсказал я. Не интересно было говорить с Вороновым. – Кто в Шурку стрелял?

– Откуда мне знать?

– Небось, жалеешь, что не ты?

– Может, и жалею, только какая разница? – Воронов потихоньку успокаивался. Он даже узнал меня: – Ты ведь Андрюха, да?... Ты ведь теперь вместо Шурки?... – И добавил: – Шурка – дурак. Он сам нарывался на пулю. С таким характером долго не живут. Вот и выяснилось, что он не жилец.

– Как это не жилец? – насторожился я. – Ты что такое несешь?

Воронов молча протянул мне газету. Его лицо заметно побледнело.

В кратком некрологе, подписанном группой *верных товарищей* (так и значилось под текстом – *верные товарищи*), извещалось, что такого-то числа в случайной автокатастрофе трагически погиб Александр Духнов (Шурка) – верный друг, добрый товарищ.

Газета была городская, утренний выпуск.

Печатают такие выпуски ночью, медленно доходило до меня.

Значит, ночью, скорее всего, не позднее двенадцати, кто-то звонил в типографию и диктовал некролог... А я звонил Юхе в третьем часу... Юха был пьян, это точно, но ничего такого он не сказал, и врач находился при раненом... Значит, Шурка был еще жив, медленно соображал я, а текст некролога уже надиктовали... А милиция, значит, считала, что Шурка погиб в автокатастрофе... Не схлопотал пулю, пусть и случайную, а погиб в автокатастрофе... Похоже, Филин действительно мог любого отмазать... Даже мертвеца...

– Вот так значит... – сказал я, аккуратно складывая газету. – Кто стрелял? Знаешь?

– Да откуда? – закричал Воронов и перекрестился. – Если ты теперь тут за Шурку, нет вопросов, как платил, так и буду платить. Я не отказник, я живу по понятиям. Тут действительно место такое: небережешься – сожгут. Мне Шурку чего любить? – честно признался Воронов. – Шурка – просто сторож. Но я ж понимаю, что сторож имеет право иногда резать овцу. Зато стадо он охраняет. Хотя от твоего сторожа Шурки, – честно признался Воронов, – некоторые торговцы сами с намыленной веревкой в руках бежали в сторону Березовой рощи... Скотина он, твой Шурка, – пришел в себя, совсем осмелел бывший таксист. – Это Господь подставил его под чужую пулю... Тут рядом богатый офис, – объяснил Воронов свое предположение. – Там Труба сидит, ты о нем, наверное, слышал, о нем все слышали. Он собирает денежки с дураков, строит пирамиды похлеще египетских. Он как проклятый этот Труба. В него раз пять стреляли, сожгли пару машин... И вчера, наверное, это в него стреляли...

– Ключвенный «мерс»?

Воронов кивнул.

– Малиновый пиджак?

– Он самый, – обрадовался Воронов. Он видел, что я ему верю. – Вчера я смотрел в окно, когда вы уходили. Я на Шурку обиделся. Ну, вот и увидел этого «Жигуленка»... У Трубы много врагов, он полгорода уже обобрал. Менты в его офисе уже были, только черта с два они что-нибудь разнюхают? Они, сам видишь, – кивнул он на брошенную газету, – и про Шурку-то ничего не знают. А может и знают, да молчат. Ты правильно вчера сделал, что сразу увез Шурку, а то крутился бы сейчас в жерновах. Стреляли-то все равно в Трубу, Шурку случайно зацепили. Вот теперь и похоронят, как жертву автомобильной катастрофы. Если бы до ментов дошло, – намекнул он, – что Шурку подстрелили, вони, конечно, было бы на весь город. А может и не было, – покачал он головой. В конце концов, ваше дело начинали менты да налоговики. Всем жить хочется.

Противный он был.

Я ткнул пальцем в чашку:

– Твой кофе?

– Ну да.

Я наклонился и аккуратно сплюнул в чашку.

Воронов несколько не удивился. Смирено спросил:

– Мне пить?

Я не ответил.

Противно было смотреть на круглую кабанью морду бывшего таксиста. Меня подстрелят, подумал я, он так же будет просматривать газеты. Черт возьми, я совершенно не был готов к тому, что Шурка может умереть. Такое мне не приходило в голову. Уверен, что пацаны Филина следили за мной, но мне было наплевать. В наглуую срезав путь через трамвайные рельсы, я вновь вкатил в тенистый двор старого профессорского дома.

8

До того как отправиться в «Рыбы», мы с Юхой запросто раздавили бутылку дагестанского коньяка. Юха, оказывается, за ночь пару таких осилил. Немного он успел и поспать. На столе валялась неаккуратно порезанная кета, пустые бутылки весело катались под ногами по полу кухни.

– Я уже давно один живу, – любовно объяснил Юха, пьяно блаженно щурясь. Лицо у него было сильно помято, но он переживал прилив альтруизма. – Ко мне уже давно никто не ходит. Одни померли, другие выбились в люди... Помнишь? – расцвел он. – *Мчат такси по городу, люли-люли, песни там какие-то в стороне... А моя любимая вышла в люди, она сидит и плачет, плачет обо мне...* Это обо мне, обо мне, Андрюха!.. Точно говорю, обо мне... Жалко, магнитофон сломался, а то бы я тебе одну песенку прокрутил... Ночью я наступил на магнитофон, он взял и сломался... – Юха растерянно развел руками и понизил голос, кивнув в сторону комнаты, в которой ночью лежал на диване Шурка: – Бандосы?

– А то!

– И доктор?

Я кивнул. Мне было все равно.

– Да я сразу все понял, – с пьяной откровенностью провозгласил Юха. – У меня глаз – алмаз. Вы еще в дверь не вошли, а я уже все понял. Меня учить не надо. Я Шурке всю жизнь твердил, что попадет однажды под пулю. – И спросил, хитро щурясь: – Только почему это они не пьют, твои бандосы?

– А разве они не пьют?

– При мне не пили.

– Вот и ты поумерь пыл.

Но Юху уже понесло. Он попал в колею.

Радостно шалея от выпитого, он рассказал, что настоящего бандита чувствует за версту. Глаза его загорелись. Он же, конечно, в детстве дружил с бандитами. Юха совершенно забыл, что мы росли в одном дворе и по какой-то неясной ассоциации вдруг перескочил на маршала Покрышкина, который когда-то не раз приезжал к его отцу. Они были друзьями и маршал Покрышкин (кажется, тогда он еще не был маршалом), приехав в Новосибирск, всегда приходил к старому корешу профессору палеоботаники Толстому – раздавить пару мерзавчиков. Маленький Юха якобы сидел на диване и слушал рассказы про воздушные баталии маршала. В некоторых вариантах Юха втихомолку от отца допивал за маршалом разливное пиво. Отгуляв свое, маршал категорически следовал в сторону вокзала и случалось так, что по дороге на него нападали бандиты. Как это без бандитов в ночном городе? Наглых бандосов иногда останавливал Юха (он же всех знал), а иногда маршал выхватывал из карманов два нагана и гонял сволочей по бульвару. При этом маршал шипел, как раненый Шурка. У Шурки, похоже, крыша ночью поехала, объяснил Юха. Он лежал, как мраморный (Юха любил такие сравнения), и шипел.

– Как это шипел?

– Ну, пытался сказать что-то.

– Что именно?

– Да я уже все рассказал врачу.

– А врач всю ночь тут пробыл?

– Да нет, – с пьяной откровенностью, выказывая мне глубочайшую любовь, объяснил Юха. – Считаю, часов до двенадцати я сам с Шуркой возился... Может с доктора еще четвертак сорвать? – вдруг спохватился он. – Диван-то все же испачкали... – И, не получив моего благословения, продолжил: – Он, как змей, шипел, Шурка, значит... Шипит сквозь зубы: он, дескать,

джазист!.. Ну, лежит, молчит, как мраморный, потом приходит в себя и начинает шипеть: джазист он, дескать... Я себе коньячку плесну, присяду рядом и тоже шиплю, успокаиваю Шурку: ты вот, дескать, джазист, а я гомункул... Так и шипели с ним... И знаешь, что скажу тебе, Андрюха?...

– Ну?

– Врем мы много!

– С чего бы это? – усмехнулся я.

– А ты не усмехайся. Когда человек в отходняке, у него нейроны в мозгу начинают отмирать. От этого человек может полностью слететь с катушек. Но перед этим он ненадолго как бы раскрепощается, как бы начинает нести правду. Или то, что он сам считает правдой. Вот ты сам подумай, как мы нынче живем? – загрустил Юха. – Никаких идей, никаких идеалов, только врём на каждом шагу. Вот и Шурка... Он уже как бы отходняке, а все равно хочется ему утереть мне нос... Джазист он, видите ли!.. Да хоть буддист, мне-то что?... Между прочим, – добро улыбнулся он, – я раз пять за него выпил.

– Может, ты не пойдешь в «Рыбы», гомункул? – беспокоился я.

– Да ты чего? Меня ж пригласили! Живые бандосы пригласили! – возмутился Юха. – Ты же знаешь, что сам я никогда в «Рыбы» не попаду. Меня туда просто не пустят. Твои же бандосы и не пустят.

– Ладно.

Я кивнул.

Я понимал, о чем шипел Шурка перед смертью.

Конечно, он джазист, он не врал. У меня сердце сжалось. Шурке бы не шипение гомункула, а настоящий сакс перед смертью услышать. Ну, вот я страшно жалел Шурку. Ведь все у нас только начиналось. Что-то он нервничал, что-то, наверное, предчувствовал. Не зря говорил, что интересуют его не подружки, а деловые ребята. Значит, задумывал что-то. А тут случайная пуля. Ему бы настоящий джаз послушать, а рядом оказался только пьяный Юха. Кто думал, что Шурка умрет? Юха, наверное, сидел рядом, свет из экономии не зажигал, ждал терпеливо, когда Шурка в очередной раз шевельнется. По доброте своей дал слово не мучить раненого бандоса. Только когда уж сильно надоедало ждать, напоминал, наверное: вот я гомункул, а ты кто? И, если верить Юхе, Шурка даже в забытии откликнулся: он, мол, джазист... А потом приехал этот врач... Они тут, эти твои бандосы, пьяно и счастливо объяснил Юха, прежде, чем увезти Шурку, заглянули в каждую щель, даже за диван заглядывали. Искали жилетку. Где, дескать, Шуркина жилетка? Ну, пришлось отдать, сокрушенно покачал головой Юха. Я им честно сказал: ну, зачем вам жилетка? Там дырка в палец, я заштопаю. А врач нехорошо на меня посмотрел, а второй бандос чуть не смазал меня по рылу.

– По лицу, наверное.

– Да нет, не по лицу, а по рылу, я-то знаю, – отмахнулся Юха и, заглотив еще одну порцию спиртного, вспомнил: – Только Юха не дурак. У него в предках лучшие адмиралы ходят. Папку я утром нашел, когда бандосы уже уехали.

– Какую папку? – насторожился я.

– Ну, Шуркину, наверное. Такая кожаная, на замочках. Ты когда Шурку тащил, она у него в руке была. Он в нее вцепился, как коршун. Потом папка свалилась за диван, даже я этого не видел. А мне ведь чужого не надо, – расправил плечи Юха. – Я сразу решил, что тебе отдам папку, – Юха очень органично играл роль честного человека. – Только тебе отдам, а не бандосам.

– А я кто по-твоему?

– Ну, не знаю, – неохотно признался Юха, он не любил признаваться в своем незнании. – Ты с Шуркой пришел, бандосы потом появились. Ты отдай папку Шурке, напомни, что я его и раньше предупреждал. – Юха еще не знал о некрологе, не хотел я ему говорить о Шуркиной

смерти. – Зачем мне в это впутываться, правда? Вот, скажем, Шурка джазист, это я понимаю. А вот за папку он мне запросто яйца оторвет.

– Это ты правильно подумал.

– Ну, вот и забирай, – окончательно решил Юха и откуда-то из-за пустых бутылок, которыми был заставлен весь угол кухни под раковиной, извлек кожаную папку на металлических молниях. Действительно эту папку я видел, кажется, в Шуркином джипе.

– Внутрь заглядывал?

– Не успел, – сокрушенно признался Юха. – Я когда гуляю, делами не занимаюсь.

Похоже, он не врал.

Раскрыв папку, я увидел пачку купюр (зелеными), перехваченную резинкой, и кучу заверенных печатями бумаг. Некоторые были напечатаны типографским способом, другие написаны от руки. Кажется, векселя, договора какие-то, долговые обязательства. Отдельно резинкой было схвачено несколько крупных купюр деревянными. Я сразу положил их перед Юхой.

– Это мне?

– Конечно, тебе.

– А Шурка?... – растерялся он.

– Смело бери, – ободрил я. – Шурка не обидится.

– Нет, ты погоди... Это почему я один?... Мы давай напополам разделим... Так будет честно...

– Не надо делить.

– Да чем я заслужил?

– Да тем, что неболтлив, – намекнул я.

Он понял по своему:

– Тогда я за коньячком...

– Мы в «Рыбы» идем, – напомнил я.

– Да мы по глотку! За дружбу.

– Ни полглотка, – сказал я. – А про папку эту забудь, нигде ни полслова. Особенно в «Рыбах». Всосал? Это не наше дело, гомункул. Расколешься, яйца не только тебе оторвут. *Помни...* Или нет, скорее *забудь...* – Я совсем запутался в словах: – Может, Юха, ты все-таки не пойдешь в «Рыбы»?

9

Но Юха пошел.

Про некролог я ему не сказал. Не знаю, почему. Не мог решиться. Глаза у Юхи горели. Видимо, не слишком хорошо жил он последние годы. Повязал какую-то морковку вместо галстука, побрился, точнее, сделал вид, что побрился, побрызгал рыжую морду остатками коньяка и мы вывалили во двор. Какие-то интеллигентные седые старушки укоризненно покивали Юхе со скамеечки, в ответ он радушно поднял руку. Кожаную Шуркину папку я надежно припрятал в библиотеке Юхи за томами «Литературного наследства». Кто в наше время интересуется литературным наследством? Даже сам Юха не видел, где я припрятал папку, и я надеялся, что, поддав, он совсем про нее забудет.

От избытка чувств Юху понесло на анекдоты.

Типа идет мужик с ножом. Видит в темном переулке другого мужика и очень нагло спрашивает: деньги есть? Ага, еще наглее отвечает тот, и вытаскивает из-за пояса огромный топор: тебе, дескать, зачем? Ну, первый (пряча нож) отвечает: да так, разменять хотел.

Юха достал меня анекдотами.

Идет тихий интеллигент по темному переулку. Страшно до смерти, ночь, луна, дождик моросит, мертвый ужас разлит в воздухе. «Ау, ау!.. – слабо подает голос интеллигент. – Есть

тут кто-нибудь?...» – «Ну, я, – вываливает из-за угла ужасный бандос с ножом в руке. – Легче стало?»

– Помолчи, – попросил я.

Юха что-то понял.

В «Рыбах» гремела музыка. *А стрелять так стрелять, а гулять так гулять...* Почему, черт возьми, я попал сюда не с Шуркой?... Именно с Шуркой я должен был вломиться сюда... В холле нас встретили плешивый Долган с конкретным Толяном. Ободрившийся, как-то подозрительно быстро освоившийся с «Рыбами» Юха тотчас завел с бандосами степенную беседу о геморрое. *А стрелять так стрелять, а любить так любить...* Мы на тачках день-деньской, льстиво признался Долган, явно признавший Юху за большого профессора. Нас, как и вас, профессоров, жизнь всяко мучает. Известно, в России как культура началась, так профессию погнали в тюрьмы. По одним этапам ходим, льстиво пожаловался Долган. Мы ведь социально близкие, правда?

Юха согласно кивал.

Он сразу уловил настрой Долгана.

Мы, большие профессора, нагло кивал Юха, так считаем, что геморрой, в принципе, не самая страшная штука. На интеллект, например, не действует. Умный человек крепче геморроя. В принципе, намекнул Юха, он может запросто достать свечи. Настоящие импортные, хотя, в общем, за небольшие деньги. Подсвечники? – удивился он встречному вопросу Долгана. Зачем тебе подсвечники? Как ты ихставишь в жопу?

Поймав мой злобный взгляд, Юха сменил тему.

У него, например, три деда были знаменитыми адмиралами, неназойливо сообщил он пораженным бандосам. Лихо гонял турков по всем морям. Например, в Средиземном туркам мало не показалось. Знаешь, что такое капер? – спросил Юха у плешивого. Травка, наверное, честно ответил Долган.

Я глотнул вина.

Мне хотелось напиться, но в то же время напиваться я не хотел.

Вид у меня был затурканный. Наверное, Долган и конкретный Толян считали, что я не спрашиваю их о Шурке только потому, что сам уже все знаю. Их, правда, интересовали какие-то бумаги, в чем-то там Шурка как бы провинился, не донес кому-то чего-то. Но тут они никак не могли держать на подозрении меня, а еще меньше могли подумать на Юху, – мы с ним пока как-то не сильно укладывались в реальность. Все-таки я старался держать под контролем трепотню Юхи, который окончательно привел в восторг Долгана и конкретного Толяна правдивым рассказом о своих великих предках. Когда Юха начал поливать скатерть коньяком, пытаясь изобразить – вот так, значитца, залив лежит, а вот так, значитца, торчит болгарский мыс Калиакра, а вот так, значитца, его знаменитый дед вывел русскую эскадру на турок, ну и все такое прочее, я так на Юху глянул, что замороженный Долган счел нужным заметить:

– Ты, Андрюха, профессора не обижай. Он прикольный чувак. Пусть говорит, что хочет, мы за все заплатили.

Наверное, они хорошо заплатили.

Музыка в баре гремела, дым стоял столбом.

Мне захотелось склеить какую-нибудь из окрестных баб и приволоочь домой, но я не знал, кто эти бабы. Часть их, конечно, явилась в «Рыбы» с кавалерами, но кто их кавалеры – этого я не знал. Поэтому и сидел, как сыч, ничего пока не предпринимая, потому что давно усвоил нехитрое житейское правило, состоящее из двух пунктов. Первый пункт: не путайся с бабами своих приятелей (даже если они бандосы). Второй пункт: никогда не путайся с бабами своих приятелей (даже если они точно бандосы). Почему-то мне казалось, что Филин где-то здесь. Сидит, наверное, со стороны изучает меня. Если я, конечно, интересен ему. Пацаны Филина, наверное, весь день ходили за мной: и когда я четную сторону объезжал, и когда пытался рас-

колоть козла Костю Воронова, и потом, когда жрал коньяк у Юхи. А я тут никого, кроме плешивого Долгана и конкретного Толяна, не знал. Это меня напрягало.

А еще меня напрягал Шурка.

Ну, ладно, думал я, десять штук зеленых (наличкой) Шурка мог держать в папке для какого-то специального случая. Сейчас эти деньги Шурке не нужны, хотя с радостью выложил бы я эти баксы, появись Шурка в «Рыбах». *А стрелять так стрелять...* Похоже, гипсовый старец в метро сказал мне правду... Несколько дней назад я имел в кармане пять баксов, сегодня мог заводить собственное дело... *А гулять так гулять...* Главный вопрос один, с пьяной увлеченностью бубнил рядом зарвавшийся Юха: был выбор у Бога, когда он создавал Вселенную, или не было у него выбора?...

– Да неужто, блин, не было? – поразился Долган.

Юха смиренно покачал головой: «Я тоже не знаю».

Дым пеленал необозримые просторы зала. Как при Синопе.

На площадке перед гремящим оркестром бурно отплясывало несколько пестрых пар. *А стрелять так стрелять, а любить так любить...* Рядом два сдвинутых столика то совершенно пустели, то расцветали как клумба. Время от времени в меня впивались острые глазки какой-то симпатичной твари, которая настоящей обезьяной скакала возле оркестра, а потом за столиком резко хваталась за фужер с шампанским.

Я издали раздел симпатичную тварь взглядом. Она мгновенно откликнулась.

Не надо паскудства, сказал я себе. Ну, вот безумно я жалел Шурку. Никак не мог поверить в случившееся, бред все это, и ясно рассмотрел господина майора, время от времени присутствовавшего при симпатичной твари. Разумеется, майор был в штатском, да и не майор он, конечно, был, просто все вокруг казалось мне нелепым. Шурка должен был привести меня в этот зал, а Шурки не было. *Совсем не было.* Недавно был, а сейчас его *совсем не было.* Я постепенно надирался, от этого моя нижняя губа все сильнее оттопыривалась, верный признак того, что жизнь становится невмоготу... Ну, правда, почему так?... Ну, вот нет Вадика Голощекого, и хрен с ним... Ну, вот нет бывшей жены, то же самое... Но Шурка, Шурка...

Пытаясь встряхнуться, я перевел взгляд на Юху.

Как раз в этот момент он выпил на брудершафт с пацанами.

Правильно, сказал я себе. Рыба ищет, где глубже, а Юха... Вот именно.

Я Юху любил, а ведь еще не поинтересовался, чем он зарабатывает себе на жизнь. Наверное, преподает где-нибудь. На выпивку Юхе хватает, по крайней мере, квартиру пока не продал, хотя квартира завидная. Даже библиотеку пока не пропил. А сейчас, встретив меня, считает, наверное, что пруха ему пошла. Несколько дней назад я сам так считал. Угоди дурацкая пуля в меня, я бы и помер с ощущением прухи. До боли в сердце я жалел Шурку. Ведь «Брас-сьюри», считай, была почти в руках Шурки, он почти дожал бывшего таксиста. От того, наверное, подумал я, перехватывая пронзительный взгляд нежной твари, и летят пули в таких, как Шурка... Значит, Господь еще не забыл про нас, грешных, держит ситуацию под контролем... Жалко, что Шурка не успел выкупить из таможни парашют Вадика Голощекого, это пришлось бы в кайф... Почему, черт возьми, Вадик сбежал, а не разбился, прыгая с парашютом?...

Я прислушался к пацанам.

Иногда странные истории можно услышать.

Оказывается, три года назад Шурка здорово маялся без квартиры.

Первую свою квартиру он потерял в результате каких-то спекуляций, а вторую никак не мог купить. А плешивый Долган как раз в это время завел небольшое дело, поимел некий кооперативчик. Он (как и Шурка) не входил тогда в команду Филина (наверное, и команды еще не было), вот, подумав, Шурка предложил Долгану взять кредит в банке.

Идея у Шурки была красивая: игральные карты!

Что еще, кроме игральных карт, можно было купить в стране, шумно и безоглядно вступившей в перестройку, в огромной, переворошенной, как муравейник, гудящей, нищей, бунтующей, вопящей, несущейся неизвестно куда стране, всем демонстративно показывающей пустые прилавки? А у Шурки, ко всему прочему, имелся выход на известный ленинградский полиграфический комбинат. Короче, взяли мы кредит, рассказал Долган, ровно один миллион рублей – под пятнадцать процентов годовых. В те годы почему-то запрещалось брать в кредит больше, чем один миллион. Почему правительством была выбрана именно такая цифра, никто толком объяснить не мог, но существовала по этому поводу специальная инструкция.

Все это Долган рассказал сумбурно, сбивчиво и по его тусклым глазам, а так же по досадливым словечкам, то и дело слетающих с его веселых поганных губ, я понял, что он до сих пор не простил покойнику ни одной копейки. Вот ведь знал, паскуда, что нет больше Шурки, что навсегда упокоился его приятель Шурка, а все равно ничего не простил. Я это сразу взял на заметку. Мало ли? Вдруг придется работать в паре?

Получив кредит, Шурка создал дочернее предприятие.

Долган, значит, в головняке, а Шурка в дочернем.

Сейф на двоих, бухгалтерша на двоих (они с ней не спали, досадливо подчеркнул Долган), а вот печати заказали две – для удобства. Понятно, Шурка незамедлительно улетел в Ленинград, там явился на полиграфический комбинат к своему приятелю-жулику и вплотную занялся покупкой и отгрузкой игральные карт. В Сибири карты должны были пойти в реализацию через сеть книжных магазинов и многочисленных в то время киосков «Союзпечати». Как раз появились первые легальные казино. Это тоже шло в жилу. В казино много карт надо, там на каждую сдачу идет свежая колода. По взаимной договоренности со счета Долгана должны были уйти в Ленинград четыреста тысяч, а с Шуркиного – миллион. Естественно, счета проплатили и Долган остался в Энске ждать прибыли. Правда, пока Шурка со своим приятелем-жуликом изучал питерские кабаки, нанятый Шуркой КАМАЗ, доверху загруженный игральными картами, ушел почему-то не в Энск, как предполагалось, а в далекую солнечную Молдову. Под тенистым городом Кишиневым КАМАЗ загнали в цыганский табор и разгрузили. Обалделый шофер, вернувшись в Энск, сильно удивил Долгана таким сообщением.

Но, в принципе, какая разница – Энск или Кишинев? Долган спокойно занимался делами своего кооперативчика и ждал прибыли. Скоро, блин, много будет прибыли, пьяным голосом каждый день сообщал по телефону Шурка. Скоро привезут наличку в трех больших мешках, потому что в одном мешке, блин, столько налички не поместится.

Но дни шли, а деньги не приходили.

Занявшись в мае квартальным отчетом, Долган с испугом обнаружил, что Шурка перевел миллион в Ленинград не со своего счета, а с Долгановского. При этом Шурка грубо подделал подпись Долгана. «Где деньги, блин?» – каждый день теперь орал Долган по телефону. «Как это где? – дивился Шурка. – В дороге, конечно! В больших мешках. Везут из Кишинева. Это солнечная Молдова. Не малый путь». – «Что значит, везут? – орал Долган. – Нам пора закрывать кредит. Да и вообще, странно... Эта подпись... Зачем, блин, ты подделал подпись?...» – «Да торопился, понимаешь...»

Короче, пришлось Долгану самому лететь в Питер.

В Питере он обзвонил нужных людей, обрисовал связи, а уж после этого двинулся на полиграфический комбинат.

А там, оказывается, его ждали.

И даже не просто ждали, а очень. И сразу предъявили гарантийное письмо с его, Долгана, собственной (подделанной, конечно) подписью. А по этому гарантийному письму, составленному по всем правилам, Долган обязан был не только поставить полиграфическому комбинату три вагона шпал, но еще доплатить какую-то сумму наличкой, потому что беспринципный, но требовательный Шурка часть игральные карт взял с какой-то особенной роскошной рубашкой.

Я не дослушал конца истории.

Наклонился к плечу незнакомый пацан, смуглый, нервный, настоящий мачо-латинос. Я таких не люблю. Зайди во второй кабинет, шепнул. И сразу отвалил, будто не имел ко мне никакого отношения. По пьяни я почему-то решил, что во втором кабинете сидят мордовороты, интересующиеся Шуркиной папкой, но ждал меня в кабинете Филин. Он оказался совершенно невыразительным человеком в простом, но добротном костюме, явно не купленном в магазине. Даже в «Рыбах» Филин (Виталий Иванович) не позволил себе расслабиться, все пуговички на костюме были застегнуты, а неброский галстук туго затянут. Что-то страдальческое проглядывало в легких морщинах, густо покрывавших его лоб, в осторожном взгляде. На меня Филин взглянул как на какую-то поганку неизвестного пока вида. Вот приходится и с такими работать, подтвердил его страдальческий взгляд. Но вслух он сказал другое.

– Парашют на какой таможне?

Оказывается, Шурка успел о парашюте растрепаться.

– Я туда специального человека отправлю, – страдальчески заявил Филин. – Мне память о Вадике дорога. Мы все его знали. – Он плеснул коньяку в какую-то крошечную рюмку из тяжелого стекла и оглядел меня: – Чтобы иметь хорошие сборы, надо самолично воспитать, а иногда даже перевоспитать большое стадо баранов. Понимаешь, о чем я?...

Я кивнул.

– Пьешь в меру, это хорошо. И Костю-козла правильно припугнул, – (все-то он знал, скотина). – Оно, конечно, с Шуркой получилось нехорошо, но в нашем деле всякое бывает. Ты это помни. Каждый за себя, один Бог за всех. Все ходим под Богом. – И, помолчав, добавил: – Считаю, ты в команде.

Я поднялся.

Мне очень хотелось спросить, когда и где будут хоронить Шурку, но я не решился. Правда, в дверях Филин меня остановил:

– Шуркины вещи у тебя остались?

– Какие вещи? – не понял я.

– Он ничего не оставил?

– Мне? Да когда? – ответил я, но врать не стал: – Оставил, впрочем. Ну, пятьсот баксов. Это точно. Выдал вроде как подъемные.

– Капусту можешь не возвращать, – разрешил Филин. – А еще?

– Ну, джип. Я пока на Шуркином джипе езжу.

Филин долго смотрел на меня. Потом двумя пальцами протянул бумагу. Я правильно угадал: доверенность на Шуркин джип.

– Спасибо, – сказал я и вышел.

Все в тот вечер было как в сухом тумане.

В зале кипело веселье. Я кому-то нахамил, меня и Юху выставили. Плешивый Долган нас где-то бросил, исчез и конкретный Толян. *Подумаешь, с женой не очень ладно...* Счастливо не схваченные ментами, на случайном «жигуленке» мы добрались до старого профессорского дома и там продолжили тяжелую и бессмысленную попойку. *Подумаешь, неважно с головой...* Юха орал, сопел, веселился во всю, как попугай, хлопал себя по пустым карманам. *Подумаешь, ограбили в парадном...* Понимаешь, потрясенно сопел Юха, там такая симпатичная тварь все время вертелась, она на тебя глаз положила. *Скажи еще спасибо, что живой...* Сунула свой телефон на салфетке для тебя, объяснил Юха, а я теперь не найду салфетку. Наверное, высморкался в нее. Я ж гомункул. И утешил: мы тебе другую, более нежную тварь найдем.

В конце концов Юху сморило и он упал на диван, на котором вчерашней ночью умер Шурка, неизвестный джазист.

А я просидел за столом до утра, выкурив две пачки «Мальборо».

Часть II

Нежная тварь

1

Осенью у меня угнали джип.

Не черный «чероки», оставшийся от Шурки, а новенький «лэндровер», который все менты узнавали за версту. Еще бы не узнать, – он был совершенно необыкновенного фиолетового, даже какого-то чернильного цвета. Грозовая туча, а не джип. А Шуркин «чероки» перед тем я отдал Косте Воронову, попросив загнать подороже.

«Да ну! – не поверил бывший таксист. – Кто возьмет подороже? Машина не побитая, но старая».

«Ее только что покрасили, – возразил я. – Кто знает, что она старая?»

«Бог знает».

«Ну, Бога я беру на себя, – пообещал я богобоязненному владельцу „Брассьюри“. – С Богом договоримся».

Он понял.

Машина ушла за хорошие деньги.

А джип нестандартного цвета достался мне после того, как я помог Филину решить проблему дочери. В свое время Виталий Иванович отправил дочь в Штаты, но с учебой у нее не задалось, по определению не могло задаться, а жизнь в России вообще оказалась не по ней. Будто не здесь родилась – это не то, и то не это. Капризная девица. Я ее никогда не видел, но иначе не назовешь. Вложи деньги в Канаду, посоветовал я Филину. Страна скучная, зато нет особых проблем с гражданством. Просто инвестируй в экономику Канады сто пятьдесят тысяч и все в порядке.

– Баксами?

– Ну, не деревянными же. Зачем Канаде рубли?

– Это большие деньги, – Филин страдальчески поморщился. И спросил с непонятной надеждой: – А как с Австралией?

– Вам что нужно? – удивился я. – Отправить дочь как можно дальше или сэкономить бабки?

– И то, и другое.

– Ну, так давно известно: чем дальше, тем дороже.

– Неужели везде зашкаливает?

– Еще как зашкаливает! – подтвердил я. – Но есть варианты.

– Ну? Ну? – живо заинтересовался Филин.

– Скажем, государство Доминика...

– Это где такое?

– Да не на Кавказе, – успокоил я Филина. – Совсем рядом с Америкой. И всех дел – раз плюнуть! Переведите на специальную службу Доминики полсотни тысяч баксов и доминиканский паспорт обеспечен.

– А религия?

– Ой, – притворно испугался я. – Ваша дочь кого-то боится!

Филин страдальчески ухмыльнулся.

– Ну, предположим, Доминика... Что даст ей доминиканский паспорт?...

– Не так уж мало, – объяснил я. – Доминиканский паспорт – это постоянно открытые двери в Англию, а соответственно в страны Британского Содружества. А так же в Скандинавию, в Гонконг, в Сингапур, в Лихтенштейн, в Швейцарию, в Южную Корею, даже в Таиланд. Как видите, все это далеко от России.

Так (доплатив десять тысяч) я получил «лэндровер».

Редкостного, ну, просто замечательного цвета был джип, а угнали его прямо от кафе «Брассьюри», где я обсуждал сложную жизнь Кости Воронова. Понятно, с ним самим. От джипа остался только нечеткий след на сыром асфальте. Знакомые менты, которых вызвал Костя, еле-еле скрывающий свою радость, хмыкнули: «Ну и ну, тот же почерк».

«Это вы о чем?»

«Третий угон за сутки. Машины одного типа. Кому-то срочно понадобился приличный джип».

Один джип, правда сразу вернули.

В Первомайском районе города угонщик случайно нарвался на гаишников и выехал на железнодорожные пути, где благополучно заглох. Погнул обод, поцарапал крыло, все равно хозяин был счастлив: ему вернули машину.

«А мою вернете?» – с надеждой спросил я седого ментовского старлей, который вел это дело.

Старлей поправил старомодные темные очки и привычно помотал головой:

«Само собой».

«А когда?»

«А этого не знаю, – неприятно ухмыльнулся старлей. Не любил он, видать, своих клиентов. И добавил, наверное, чтобы я больше не возникал: – И в каком виде вернем твою машину, тоже не знаю, даже не спрашивай. Может, ее сразу разобрали на запчасти, кто знает? Очень уж заметный цвет. – Он как бы укорил меня: – Кто на такой станет ездить?»

Я разозлился:

«Не быть тебе капитаном».

Старлей это не испугало, в итоге на милицию я плюнул.

По каким-то неизвестным мне соображениям Филин в это время сильно давил на плешивого Долгана, а плешивый, в свою очередь, давил на Костю Воронова. Мне не хотелось, чтобы пацаны думали, что я тоже кручу это колесо, поэтому Филина к этому делу я не привлекал. Просто походил по городу, побывал в одном месте, в другом, внимательно прислушался к слухам, сам распустил кое-какие. Кровь во мне кипела. Сперва мне казалось, что человека из команды Филина испугаются, вернут машину, но никто не испугался и это меня обидело. По совету бывшего таксиста я даже посетил местного Нострадамуса, якобы замечательно предсказывающего течение и итог событий.

Нострадамус оказался черным, бородатым, неряшливым.

Он сильно походил на похмельного цыгана и с удовольствием сорвал с меня пятерку (зелеными). При этом всей собственной пятерней он копался в неряшливой бороде и зловеще бубнил:

«Найдешь, найдешь, хлопчик, машину... Рано или поздно, найдешь... Только я так скажу, не в машине счастье...»

«Это как понимать?» – удивился я.

«А так... – еще более зловеще намекнул Нострадамус. – Машину свою найдешь, но не в ней твое счастье, хлопчик... Можешь мне верить... – Доконал он меня этим своим хлопчиком и совсем уж неожиданным советом: – Плюнь на машину, девку старайся не потерять...»

«Какую еще девку? Когда это счастье заключалось в какой-то девке?»

«Тебе лучше знать».

«И это все, что ты можешь сообщить?» – возмутился я.

«Все, все, хлопчик».

«Тогда сука ты, а не Нострадамус!» – сказал я и на другой день (по наколке того же Воронова) отправился к гадалке.

Увидев меня, гадалка обрадовалась.

В городе ее, видимо, не сильно признавали, совсем из молодых была, поэтому на радостях она наговорила мне много хорошего, а главное, расчувствовавшись, совершенно конкретно и от всего сердца указала номер секции в частных гаражах, выстроившихся через квартал от кафе «Брассьюри». «Там найдешь свою ненаглядную, там стоит твоя фиолетовая! – прочувствованно повторяла она. Не помню, говорил ли я гадалке про редкий цвет „лэндровера“, наверное, говорил, иначе, как бы она о нем узнала? – Пойди, пойди на указанное место и возьми фиолетовую!»

Двое суток конкретный Толян и я выслеживали хозяина гаража. За это время я успел поверить в удачу. У джипа был редкостный цвет, гадалка его указала. Значит, петрушит в своем деле, падла, профессионалка, пронизывает внутренним взором стены и времена.

На третий день мы, наконец, застукали владельца:

– Твоя секция?

– Ну.

– Открывай по быстрому!

– Вы чего это?... – Мужик обалдел, оглянулся, но открыл.

В полупустом замусоренном гараже стоял на трех скатах совершенно раздолбанный старый «запор» сильно распространенного грязного цвета.

– Что это с твоей машиной? – распахнулся Толян (он был совершенно уверен, что по случаю большой удачи я прямо сегодня поведу его за свой счет в «Рыбы»).

– А что? – совсем испугался мужик.

– Да у нее горб!

– А что вам до нашей беды?

Короче, жизнь не простая штука.

Иногда подумаешь – горе, а на самом деле – воля Божья.

Я после этой ужасной накладки вообще решил бросить поиски, но через два дня мне позвонили. Как ни странно, позвонили на телефон «Брассьюри», куда я забежал выпить кофе. Значит, следили, падлы, хорошо знали, где я бываю. Это я сразу намотал на ус.

– Имеешь проблемы? – спросил незнакомый мужской голос. Спросил без наглости, с пониманием и я сразу насторожился:

– Ну?...

– С машиной?

– Ну...

– Редкого цвета?

– Ну...

– Хочешь вернуть?

– Ну!..

– Сделаем.

– А сколько хочешь?

– Да как обычно.

– А это сколько?

– Ну, скажем так, треть стоимости.

– По рукам, – подумав, согласился я. – Когда?

– Да хоть завтра. Можешь?

– Могу.

– Тогда завтра в обед деньги, а на другой день вечером машина.

– Ну, нет, – возразил я. – Ищи дураков! Завтра в обед деньги, завтра в обед и машина.

– Ты давай не дури, – жестко оборвал меня добрый человек. – Сам знаешь, машина неудачного окраса, можем и сжечь. Нам не жалко. Давно должен знать, что такие дела строятся на доверии.

– Ладно, – согласился я. – Делай, как говоришь.

– Вот так-то лучше, – согласился добрый человек. – Подъезжай завтра к зоопарку. Да один, один приезжай, без свидетелей. Предприятие у нас крепкое, реклама не нужна. Ровно в час сорок подбежит к тебе пацаненок. Случайный, сам понимаешь, трясти его нет смысла. Отдашь пацаненку зелень.

– А машина?

– Я тебе позвоню.

Некоторое время я злобно дергался, но какой выбор? – не было у меня выбора.

На другой день ровно в час сорок возле зоопарка подбежал ко мне подозрительный пацаненок. Из тех, кого за пару «сникерсов» можно подрядить на любое дело.

– Бери, засранец, – мрачно сплюнул я, передавая пацаненку сверток с валютой. – Вырастешь, в тюрьму сядешь.

И отправился к Косте Воронову, поговорить о своих сомнениях.

2

Я боялся, что весь день прохожу с мрачными мыслями, но с утра Филин отправил нас на уединенную пасеку. В лесу за городом много лет жил один дед, звали Серафимом. В свое время указанный дед немало потаскался по лагерям (по пятьдесят восьмой), потом, получив свободу, увлекся пчелами. Вырастил особую породу: злые как собаки, шустрые как воробьи – летали на ближайший рынок и отбирали мед у торговков. Настоящие мичуринские пчелы.

В энциклопедии, куда я заглянул от нечего делать, про серафимов было подробно объяснено: «...Один из девяти чинов небесной иерархии, ближайший к Богу. Имеют человеческий облик, но при этом у каждого по шести крыльев; двумя закрывают они свои лица, как недостойные взирая на Господа, двумя – ноги, как недостойные того, чтобы Господь сам взирая на них, и двумя летают для того, чтобы непрестанно исполнять повеления своего Царя и Господа. При этом неумолчно поют песнь: „Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! – (каждое слово с большой буквы). – Вся земля полна славы его!“ И от звука голоса серафимов потрясались здания и храм наполнялся дымом курений».

Не зря Филин послал к деду трех своих далеко не самых худших пацанов.

В дороге мы узнали, что Долган почти год плотно опекал сильно больного, сильно пьющего хозяина перспективной полногабаритной квартиры на проспекте Карла Маркса. Сталинский дом, три обширных комнаты, громадный коридор, барахолка рядом. Очень нравилась Долгану перспективная квартира, он старался от души угощать хозяина. А хозяин, доверившись Долгану, беспринципно кинул его: умер с перепоя. По оставшимся документам выяснилось, что старая обширная квартира должна достаться прямому родственнику покойного – некоему деду Серафиму Улыбину, выводящему новые активные породы пчел. Правда, сам дед последний раз бывал в городе еще до войны с немцами, когда его везли под Нарым на вечное поселение, но юридического расклада это не меняло. Задачу перед нами Филин поставил простую: поговорить с дедом Серафимом так, чтобы старый пердун окончательно забыл о городе. Ну, в самом деле, посмеивались мы. В городе разбой, страшная нищета. В городе на улицу не выйдешь – проститутки хватают за руку, нарки со шприцами в руках, беспризорные. А в лесу тишь, зеленые полянки, теплый ветерок с какого-нибудь озера, ну, пчелы-труженицы, а если волк придет, так по зубам ему! Короче, поговорить с дедом Серафимом надо было так, чтобы старый пердун действительно понял, что главное дело его жизни – уединенная пасека.

Так с ним поговорить, чтобы он без всяких рассуждений подписал умную бумагу, построенную Филином у самого настоящего нотариуса.

Бумага была построена на имя Долгана.

Больше всего меня это насторожило. С чего бы это вдруг Филин стал так относиться к Долгану?

Ну, кипело там что-то между Филином и плешивым, так ведь совсем необязательно выделять плешивого Долгана из команды. Чем он лучше других? А Долган по дороге бумагу нам показал, чтобы мы, значит, с конкретным Толяном ни в чем не сомневались. Дурак дураком, непроходимый как сибирское болото, а туда же! Я вчера счастливый пельмень съел, хвастался Долган всю дорогу. Больше всего забавляло его то, что печати на бумаге были настоящие. От этого сам Долган чувствовал себя человеком почти казенным. А замки в пустой полногабаритной квартире покойника он уже поменял. Тряпки и мебель можете забрать, но саму квартиру – ни-ни! – предупредил он перепуганное домоуправление, всех затаскаю по судам.

В общем, нам с Толяном было плевать.

Ну, подпишет дед дарственную, что, собственно, изменится? Ну, всю жизнь жил этот шестикрылый в лесу, и дальше будет жить. А Долган с Филином явно договорился. Я знал, что Филин нуждается в крупной наличке: у него дочь жила вблизи берегов Америки.

Мне другое не нравилось.

В последнее время плешивый как бы ненароком все выводывал да выводывал всякие разности про Юху Толстого, так удачно представившегося в «Рыбах» профессором. Самого Юху я давно не видел, но внимание Долгана мне не нравилось. «Ты под Юху клинья не бей, – на всякий случай предупредил я. – Юха, конечно, алкаш, Юха, так сказать, жертва перестройки, но при этом он – человек известный. У него масса влиятельных родственников. У него отец был крупный ученый, почетный гражданин города. У него известные адмиралы в роду. Если даже совсем скурвится, квартиру Юхи тебе не видать».

Плешивый сплюнул.

А я подумал, слов нет, надо Юху взять под контроль. Все же действительно просторная квартира в старом профессорском доме, полногабаритная, и не где-нибудь, а в самом центре города, причем в тихом тенистом уголке, а цены на недвижимость только растут...

Радуюсь скорости, на испытанном «жигуленке» конкретного Толяна мы домчались до Мочище, где на рыночной площади съели по паре шашлыков. Мочищенские шашлыки считались тогда лучшими в городе, мы честно (не наш район) за них расплатились.

Это сильно нас рассмешило.

Плешивый Долган расположился рядом с Толяном и нес всю дорогу всякое.

С его слов получалось, что дед Серафим – крепкий знахарь. Это на первый взгляд Серафим кажется пердуном, сказал Долган, на самом деле он – знахарь. Об этом многие говорят. Он умеет зуб заговорить, сварить целебную травку, снять запой и все такое прочее. Умный дед, его научить, сказал Долган, он ханку сварит. Говорят, много чего повидал в жизни, от этого расстраивается, в понятия не въезжает. За последние три года трижды попадал под следствие. Последний раз за то, что под весну зарубил топором двух лосей.

– Это круто, – одобрительно кивнул конкретный Толян. И спросил: – А разве лосей можно рубить топором в такое время сезона?

– Лосей вообще нельзя рубить топором, – авторитетно ответил Долган. – Но у деда свои соображения. На следствии он так сказал, что типа жерди поехал рубить. Ну, все мы так говорим!.. – заржал Долган. – Конкретно, пока рубил, распряг казенную кобылу, в совхозе взял, поставил на лужок, она, дура, губы развесила, размечталась. А двое сохатых, лоси по жизни, не будь дураки, мимо шли, насильничали дуру. Самому деду чуть пистон не поставили. Ну, вот вроде он и распсиховался. Топор в руки и пошел махать!..

Километров десять мы ползли, буксуя, по пустому мрачноватому проселку, загаженному подстывшей грязью, потом свернули в березовый колок и перед нами открылась картина.

Ну, озерцо, круглое как зеркало.

А бережок по краешку льдом прихватило, как остеклили.

А низкое багровое солнце застряло меж тонких березовых стволов, которые метра на два от земли поднимались черные, как жженая пробка, а потом переходили в такую пронзительную белизну, что сердце сжималось. Даже плешивого Долгана пробрало от увиденной картинки. «Ну, попал дед на бабки, – одобрительно буркнул он. – Я, блин, гоблин, а ты, блин, кто, блин?»

Потом, позже, уже задним числом, я сообразил, что в тот день мне лично сильно помогло, наверное, то, что с самого утра я почему-то вспоминал маленькую нежную тварь, которая в «Рыбах» положила на меня глаз. Почему-то весь день я жалел, что Юха Толстой не вовремя высморкался в бумажную салфетку с номером телефона. Странная девица будто вцепилась в меня, засорила мысли. Где ни копни, везде торчала эта девица.

Оставив «жигуленка» у невысокой поскотины (так изгородью из жердей дед Серафим обозначил для совхозных коров и диких лосей границы своих владений), мы неторопливо направились к просторному рубленому дому. По ночам здорово подмораживало, мне было интересно, куда прячет пчел на зиму дед? – но все равно даже в тот момент я почему-то вспоминал маленькую нежную тварь, увиденную в «Рыбах». Очень уж ловко перебирала она маленькими ножками, а потом сумрачно смотрела на меня из-за фужера, будто пыталась узнать.

Впрочем, когда я увидел деда, эти мои пустые мысли улетучились.

Ладненький, крепенький, с румяным округлым личиком, с белой бородой, с белыми бровями и никаких тебе крыльев! – даже глаза не выпцветшие, голубые, вот какой был дед Серафим Улыбин. На его маленькой голове сидела плоская кепка, клинышками, как у Лужкова, а носил он простую телогрейку и дурацкие плисовые штаны, аккуратно заправленные в керзуху. Обстирывал себя дед сам, это стало ясно по рубашке, когда, пригласив гостей в дом, он скинул телогрейку. Рубашка оказалась совсем неопределенного цвета – но из толстой байки и с поясом. Увидев такое, конкретный Толян подмигнул Долгану: дескать, такому старому старичку и делать в городе нечего. Вселиться в городскую квартиру такой может только по дикости. И когда сели пить чай с медом, когда о городском родственнике все было сообщено, Долган солидно спросил:

– На похороны поедешь? – для строгости он сразу перешел на ты.

– Не поеду, – ответил дед, опустив невинные голубые глаза, и здание от его голоса не дрогнуло.

– Атеист?

– Пчелам верю.

– Значит, злостный атеист?

Дед загадочно усмехнулся, но не возразил.

Как выяснилось из беседы, злостным атеистом деда Серафима сделал все тот же городской алкаш, владелец старой полногабаритной квартиры, теперь покойник, а раньше племянш деда. Он трижды подводил деда под следствие. Вроде прихварывал, а все равно возил на пасеку наглых баб, они голые, страшные, как козы, скакали под Луной по берегу озера, до тех пор, пока пчелы не возмутились, перекусили всех, блин, почти до смерти. Пришлось суду доказывать, что пчелы поступали верно. В другой раз чисто по браконьерски племянш положил из дедова ружья двух лосей (соврали про сохатых, разочарованно подумал я), а еще раз занял деньги под пасеку.

Короче, тьфу человек!

Долган покачал головой, но спорить с дедом не стал.

Это меня удивило, потому что как раз в этот момент Долгану, в принципе, полагалось резко вскочить, смахнуть со стола дешевую посуду и страшным голосом заорать на деда Серафима: ты чего это, старый пердун, с нарезки слетел, колпак у тебя свалился? У тебя, блин, кристальный племяш загнулся в городе, много страдал, без твоего прощения уйти не может, лежит в морге, мучается, давай мы тебе поможем, пень старый! Вот бумага, расписывайся! Племяш твой в морге будет валяться, пока ты бумаги не подмахнешь! А если дед Серафим засомневается, начнет закрывать лицо и ноги крыльями, без никаких дать кулаком в его румяное личико.

Но Долган промолчал.

А дед перевел непонятный задумчивый взгляд с Долгана на конкретного Толяна, на его длинную лошадиную физиономию, и простенько так пожевал плотными губками, похвалил, значит, как ловко носит Толян свою потрепанную джинсовую жилетку. По доброму, хорошо похвалил, правда, посоветовал при этом конкретному пацану вовремя снимать лишние нагрузки, а правое колено смазывать на ночь специальным отваром.

– Да где ж возьмешь такой специальный отвар? Я все перепробовал, что есть в аптеке, – охотно откликнулся Толян. У него тоже что-то забарахлило. С головой. – Болит колено.

Некоторое время два придурка – конкретный и старый – обсуждали проблемы застарелого ревматизма, а мы с Долганом молча пили чай.

Оказывается, конкретный Толян давно, чуть ли не с юности, страдал ревматизмом. При этом именно застарелым, хроническим.

А нам ни гу-гу. Нам он никогда ничего такого не говорил.

Совсем ничего...

И никогда...

Да и деду Серафиму он ничего такого не говорил, дед как бы сам догадался!

Наверное, и плешивому Долгану тоже что-то такое пришло в голову, потому что, подняв голову, он как-то неловко, совсем не в своем стиле отодвинул в сторону чашку с недопитым чаем. Было видно, что Долгану сильно хочется высказаться, но заговорил он только с разрешения деда. Дед Серафим насупился, дескать, мешаешь ты нам, но все-таки покивал: начинай, ладно.

– Мы к тебе, дед, приехали по делу.

– Ну, уж и дела, – насуплено ответил дед. – Бумагу привезли. Стоило ехать.

– А ты подпишешь? – обрадовался Долган, но опять как-то вяло, опять как-то не в своем стиле, будто хвост ему зажали в дверях. Он явно опасался чего-то.

– А зачем подписывать? Бумаг много.

– Да ты хоть знаешь, какая у нас бумага?

– Да знаю, – опять насупился дед. – Фальшивая.

И понес какую-то чушь, ну, прямо, как настоящий небесный чин.

Ему как бы все равно было, что сидят перед ним три правильных пацана.

Уж он крыло и к лицу прикладывал и к ногам, хитрый дед. Он болтал неумолчно. Нет, чтобы, как полагалось по небесному чину, непрестанно исполнять наши повеления и повторять «Свят, Свят, Свят!» Я чуть не лопнул, слушая его. Совсем наглый дед. А Долган опечалился:

– Один живешь?

– Да уж давно один, – ласково согласился дед. – Оно, правда, рядом село большое. – Он, наверное, имел в виду Мочище, а не соседний совхоз, потому что в совхозе никак не могло быть три вытрезвителя. В Мочище тоже столько не могло быть, но дед так и сказал, даже несколько хвастливо: – Большое село. На три вытрезвителя. – А может, он имел в виду что-то конкретное. К примеру, нас трое и вытрезвителей – три. Каждому отдельный.

– Не боишься?

– Смерти-то? – догадался дед, становясь еще ласковее. – А чего ее бояться? Она приходит ко всем. – И, наконец, рассердился: – Глаза у тебя нехорошие, как у гуся. Время придет, тебя ни в один дом не пустят.

– Ну, допек ты деда, Долган, никакого уважения к старому ублюдку, в натуре, – конкретный Толян, как школьник, выложил на стол тяжелые кулаки.

Глядя на его кулаки, я совсем запутался.

Но Долган все же пришел в себя и насел на деда:

– Значит, вот здесь распишись. И здесь. И еще вот здесь. Или закорючки какие поставь, если безграмотный. Не буду врать, дед, это твой отказ от городской площади. Как это, какой площади? Не Ленина же... Квартира в городе, дед, тебе теперь не нужна... Что-то ты совсем плохо въезжаешь, дед... Ты, наверное, любишь пряники?... Хочешь, мы тебе мешок пряников купим? Мешок пряников это бешеные бабки, дед! – резко подчеркнул Долган.

– А с бабками всегда так. У меня тоже была бешеная.

Дед Серафим улыбнулся и внимательно посмотрел на Долгана.

Вот глазки старенькие, голубенькие, совсем как ситцевые, что в таких глазках увидишь? А Долган что-то увидел... Он даже изменился в лице... Не знаю, что он там увидел... Я в этот момент думал про нежную тварь из «Рыб» и про Юху-придурка... Ну, Юха! Нашел время и место прочищать нос!..

Потом дед перестал улыбаться.

Наверное, мы ему надоели, он устал от нас.

Никак он нас не обзывал, никак не корил, но лучше бы обзывался.

Меня обдало нехорошим холодком, когда он потянулся через стол и, запросто расстегнув кожаную куртку Долгана, увидел под мышкой плешивого ствол в коричневой кобуре.

– Пушка, – произнес дед Серафим без всякого уважения. – Правду говорю, время придет, тебя ни в один дом не пустят. Время придет, пойдешь ты из дома в дом, а тебе никто не подаст. Ни корочки, ни копеечки.

– Ты спятил, дед? У меня корешей много.

– Этот, что ли? – легко, без презрения указал дед седыми бровями на растерянного Толяна.

– И этот...

– Этот не подаст, – уверенно сказал дед. – И этот не подаст, – указал он бровями на меня. – И ты тоже не радуйся, – сказал дед уже конкретно мне, потому что в этот момент по моей спине вновь пробежал невнятный тревожащий холодок. – Просто так получилось, что день у тебя сегодня особенный. Ты теперь о правильном стал задумываться. Когда большой грешник помирает, – дед, наверное, имел в виду своего кончившегося в городе племяша, – в мире все немножко мутится, а в некоторых головах даже сильно. Но это ненадолго, – успокоил он нас. – Вы сейчас, значит, встанете, спасибо скажете за чай доброму деду Серафиму и по тропочке, по тропочке, не сходя с нее, двинетесь прямо к своей машине. Неторопливо двинетесь, чтобы не топтать мошек-букашек, их под ногами всегда полным-полно. Все мы букашки, – ласково успокоил он нас, – только одни более, а другие менее. Не сердитесь на меня, на старого. Плохого вам никому не хочу, сами видите. Хотел бы, и говорить не стал. Вот ты, – со странной укоризной указал мне дед Серафим, – именно ты садись за руль. Приятелей не сажай, разобьетесь. У тебя сегодня голова чище, чем у них, правда, все равно дурная. И так тебе наперед скажу, – загадочно нахмурил он седые брови, – ты теперь меньше думай о похоронах. *Похороны, они не всегда похороны*, – еще более загадочно намекнул дед. – Ты, значит, сам води машину, ну, а с человеком, который вас сюда послал, пусть этот разговаривает, – укоризненно указал дед на плешивого. – Ему все равно.

– Это почему? – не выдержал Долган.

– Зачем тебе знать? Не надо тебе расстраиваться.

Не знаю, что на нас напало.

Слушая деда Серафима, мы как-то тревожно зевали, чесались, крепкий чай с медом и с травами нас не бодрил. Оно известно, немного блох любой собаке полезно, но что-то в происходящем было не так. В целом мы деда, похоже, разочаровали. Чего-то он другого ждал. Только у поскотины кинул негромко: «Лбы оловянные».

И отпустил с миром.

А вечером мне позвонили.

– Спускайся вниз по Ватутина, – сказал уже знакомый мне голос. – Там за белой многоэтажкой, ну, там, где «Медтехника», увидишь переулок, в его конце гаражи. Там увидишь свою тачку.

3

Костя Воронов, узнав про мою удачу с джипом, расстроился.

Чужую беду он уважал, но чужая удача для бывшего таксиста была невыносима. Он долго выпрашивал детали и я с удовольствием его подразывал, поглядывая из окна башенки на мой роскошный необычного цвета джип. Угонщики не оставили на машине никаких царапин, только малость покурочили блок зажигания. Костя сопел, поглаживал ладонью большую голову, даже поставил мне кружку пива. Он меня не любил, догадывался о моих планах. Но и сделать ничего с моими планами не мог, понимал, что я и впредь буду его доставать, как раньше доставал Шурка.

А мне нравилось в «Брассьюри».

«Построй камин, – не раз советовал я Косте. – Стена сама к этому призывает. Смотри, какая стена? С камином от посетителей вообще не будет отбоя».

«А платить кто будет? Им, – кивал он на сидящих в зале посетителей, – на камин наплевать. Они пожрали и ушли, а мне прикажешь уголь покупать для камина?»

«Разоришься ты, Костя», – доставал я бывшего таксиста.

«Почему?»

«Сильно жмешься».

Он возмущался:

«А налоги? А крыша? А ваш общак? Вчера, например, Долган опять брал куриные окорочка».

«Разве дело в окорочках?»

«А в чем?» – неохотно интересовался Костя.

«Дело в росте. В бизнесе нельзя прозябать. Расти надо, понимаешь?»

«А я не расту? – возражал Воронов. – Вот подкоплю денежек...»

«Ну, подкопишь? И что?»

«А я хороший магазинчик присмотрел на проспекте Маркса, – глаза у бывшего таксиста туманились, действительно, не может жить человек без мечты. – Там место такое, что покупатели сами пойдут, никакой рекламы не надо. Там все пути проходят через этот магазинчик, куда ни пойдешь, упруешься в него. Отбоя не будет от покупателей. Продукты, овощи, бакалея... – Воронов прищурился, как голландский художник. – Сегодня торговать имеет смысл только тем, что долго не лежит на прилавках. То есть жратвой всякой. Чем вкуснее пожрал человек, – объяснил свою позицию Костя, – тем сильнее ему хочется пожрать еще вкуснее. Закон природы». – Он пригладил большую голову и посмотрел на меня снисходительно.

«Ну хорошо, заведешь магазинчик, а дальше?»

«А что дальше? Подкоплю денежек, еще один куплю».

Что верно, то верно: у каждого своя мечта. Костя Воронов тяжело переживал мою удачу. Представляю, как вытянулась бы у него морда, узнай он, что в конце того же месяца пацаны

Филина очень точно вычислили угонщиков. Одна компашка специализировалась на угоне дорогих машин. Конкретный Толян всяко настаивал на полном разгоне банды, но я поступил иначе. С разрешения Филина встретился с неким Сухарем, он и вернул мне деньги, кое-что подбросив еще за моральные потери. Сильно переживал бы Костя такую удачу, но от подобных новостей я его хранил.

4

На другой вечер после поездки к деду Серафиму (понятно, отчитывался о поездке Долган) позвонил Филин.

Сперва он подробно расспросил про джип.

Я, конечно, рассказал все детали – про Нострадамуса, про гадалку, про звонки.

– Ну, чисто комедия, – посмеялся Филин. – Конкретно. Знал, что ты разберешься. – И спросил: – Вы сильно там поддали? – Это он так перешел к поездке на пасеку.

– Да ну, – ответил я. – Даже не думали. Сидели, чай пили.

– А чего это Долган как не в себе?

– Может, накурился?

– А кто за ним замечал такое?

– Мне Толян говорил, что кумарит иногда дурика.

– Ну, а сам-то ты?

– А что я?

– Ты, говорят, часто ходишь к Воронову.

– Ну, хожу.

– Как он без Шурки?

– Да ничего. Смирный.

Филин засмеялся и положил трубку.

Так я и не понял: зачем он звонил? Какого рожна? Как в той песенке, которую тогда везде пели: «А в августе зацвел жасмин, а сентябре подснежник».

Вообще осень девяносто третьего выдалась сухой, я страшно страдал.

В Москве стреляли танки, но Сибирь эти напасти миновали. Осень у нас – лучшее время года. Небо нависает такое синее, такое пронзительное, что город даже в час пик грохочет почти беззвучно. А на Коммунальном мосту пахнет тиной и большой рекой, которая молча ломит в сторону севера. Страшно я болею сухой осенью, когда нет дождей и на улицах пахнет пылью и бензином. Такие плавали облака, такое солнце светило, так беззвучно несло паутинки через весь город от моста до площади Калинина, что как только Шурка мог улежать в могиле в такую погоду! Я бы на его месте и на час не задержался. Это же просто, даже китаец поймет...

Обычно мы с Долганом лениво объезжали лавчонки, брали все, что причиталось за крышу, иногда брали с верхом, если точно знали, что придурок не побежит жаловаться в милицию или к Филину. На этом деле горб заработать трудно, но, глядя на меня, Долган беспокоился:

– Ты, Андрюха, не больной?

– С чего это?

– Ну, я вот гляжу, – объяснил он, почему-то не глядя на меня. – Мы же все время рядом. Ты в лавке не стал разговаривать с пиплом, ты почему-то сразу – хрясь ему по роже!

– Да какая у него рожа? – нехотя возражал я. – Не рожа у него, а копыто.

– Ну, значит, ты ему по копыту! Ну, типа вмазал. Не рассуждая. – Долган поворачивался и остро взглядывал мне в глаза: – Ты что, не помнишь, что ли, когда бьешь? Или дурку катаешь? Я, правда, не помнил.

Сухой осенью у меня всегда крыша немного едет, я знаю.

Пару раз с конкретным Толяном мы поскандалили в «Рыбах» и Филин приказал некоторое время не пускать в «Рыб» ни меня, ни Толяна. Мы теперь с ним отрывались по чужим кабакам, а если с нами увязывался Долган, то в двух местах (верная примета) нас почему-то всегда били – в казино на Северном, там секьюрити были волки, и обязательно в одной кафешке в Березовом логу. Ну, прямо заколдованная кафешка. Или мы появлялись там без меры поддатые или, появившись, хватались не за тех девок. Сразу хватались, ни секунды не раздумывая. Ну, отсюда и результаты. Однажды нас там так отделали, что я три дня провалялся дома.

Как раз в это то время вылезли наружу нелады Долгана с Филином.

Не знаю, в чем там было дело, но Долган у нас на глазах пыжился все больше и больше. Ну, прямо на глазах превращался в пламенного борца с нарушителями понятий, а занятие это совсем бесперспективное. Говорили, что нелады Долгана с Филином начались с исчезновения какой-то папки. Вроде была какая-то папка при Шурке и Шурка собирался сдать ее Филину, а папка загадочно исчезла. Шурку, значит, подстрелили, а папка исчезла. Одни считали, что сам Шурка папку припрятал надежно, другие думали, что папка могла затеряться сама по себе, но были и такие, кто указывал на Долгана: вот, дескать, могла попасть искомая папка в его руки. Вот Долган теперь и пыжится, дескать. Будто лежали в загадочной папке такие бумаги, отсутствие которых мешало Филину спокойно спать, а Долган на этом играет. А соответственно, нервничает.

Например, Долган почему-то решил, что Костя Воронов тайком капает на него Филину. Когда, отлежавшись после выпивки в той кафешке, я появился в «Брассьюри», бывший таксист сидел в башенке опечаленный. «Смотри, что творит плешивый, – показал он мне синяки на животе. – Он убить меня хочет». Вообще-то я в такие дела принципиально не вмешиваюсь, но тут с плешивым поговорил. «Пошел ты! – сказал мне Долган. – Ты кто такой, чтобы тебя слушать?» Но когда я припер его затылком к холодной кирпичной стене, он раскололся: «Я все равно этому козлу яйца отвинчу. Он на меня капает».

На самом деле Воронов не капал.

Просто однажды в «Брассьюри» заехал сам Филин.

Он редко заглядывал в подконтрольные заведения, но вот почему-то уважил Воронова. Впрочем, сам Костя мог и не знать, кому подает холодное пиво, но Долгана эта история расстроила. Он решил, что капает Костя. А потом пошли глухие слухи о том, что Долган якобы поставил Филину какие-то условия. Долган псих, конечно, но само появление таких слухов говорило о том, что Долган или действительно поймел на чем-то Филина или сильно блефует. Однажды опечаленный Костя, на которого чаще, чем на других сваливались неожиданные громы и молнии, рассказал мне, что, круша посуду в «Брассьюри», пьяный Долган орет о том, что теперь это его территория. В том смысле, что теперь эта территория именно Долгану принадлежит, а не Филину. О самом Воронове, понятно, и речи не шло. «У меня тут теперь одни убытки, – пожаловался бывший таксист. – Этот плешивый влетает мне в крупную копеечку. Он псих, я не могу так».

«А ты сваливай в другое место».

«Ты что, ты что, Андрюха? – испугался Воронов. Даже оглянулся, будто нас могли подслушать. – Где это, скажи, будет по другому?»

«Ну, тогда чего жалуешься? Нет рогов, на пацанов не кидайся».

Втайне я, понятно, надеялся, что бывший таксист сломается. Сломается и скажет: «Вот, значит, решил я, Андрюха. Вступай в мое дело, Андрюха». Вот тогда я бы приструнил Долгана. А так что?

Точно, голова у меня в ту осень ехала.

Я все ненавидел, но держался. Пытался припомнить номер «жигуленка», из которого стреляли в Шурку. Пытался узнать, на каком кладбище похоронили Шурку. Пацаны молчали, говорили – этим занимался сам Филин. Иногда вспоминал Вадика Голощекого, вот бы с кем

поболтать, *он бы многое мне рассказал*. Это же просто, это даже китаец поймет, скрипел я зубами. А иногда вспоминал нежную тварь из «Рыб».

Из-за этого как-то заехал к Юхе.

Юха мне не понравился. *Пей отраву, хоть залейся! Благо денег не берут...* Нехороший Юха был в тот вечер, то ли накурился, то ли довели его бесконечные безденежье и похмелье. *Сколь веревочка ни вейся – все равно совьешься в кнут...* Мы с ним раздавили бутылочку. *Ох, родная сторона, сколь в тебе ни рыскаю, лобным местом ты красна да веревкой склизкою...* Уходя, я бросил на стол пачку бумажных салфеток.

«Зачем?» – спросил Юха.

«Чтобы ты в них сморкался, блин!»

Юха намека не понял, да и не надо было так говорить.

Но давно не было дождей, стояло бабье лето, хотя по утрам уже здорово подмораживало. Все плыло в голове. Иногда я не мог понять, точно ли мы, например, ездили с Долганом и конкретным Толяном на пасеку к деду Серафиму? Конкретный Толян на мой вопрос сердито сопел, а Долган прямо остервенялся. Оказывается, хорошую перспективную квартиру на Маркса он так и не откусал. Наверное, Филин не позволил. Не сложилось у тебя с дедом, не подписал дед бумаг, сам виноват, сказал он Долгану, а лишнего шума нам не надо.

Вот Долган и остервенился.

Ну, и хрен с ним, решил я, пусть живет вредный.

Но иногда я как бы отчетливо слышал слова деда Серафима, обращенные к Долгану: «Время придет, тебя ни в один дом не пустят... Время придет, пойдешь из дома в дом, тебе никто не подаст... Ни корочки, ни копейки...»

Что бы это значило? Что дед хотел сказать этим? Чем он нас таким опоил, что у плешивого Долгана копыта на него не поднялись? Лукавый, однако, дед. Шестикрылый.

А вот Долган совсем слетел с тормозов.

Несколько раз в присутствии пацанов резко обрывал Филина, а тот лишь страдальчески сводил брови: вот, сами видите, с каким дерьмом приходится работать. У меня от этих бровей холодок плавал по спине, знал я, к чему Филин сводит брови так страдальчески. А Долган хоть бы хны. Видно, впрямь чувствовал за собой что-то такое. Вел себя так, будто завтра все под него лягут.

Но это ошибочное чувство.

Я хорошо знал, что это ошибочное чувство.

К тому времени я разного насмотрелся и знал, как легко люди впадают в одну и ту же ошибку. Один такой тип так и маячил у меня перед глазами. Звали его Котел (Паша Котлов). Маленького роста, плотный, с высоким пронзительным голосом. Очень жизнерадостный, всегда склонный к обману, иногда бессмысленному. «Это мой стиль, – победно говорил он. – Одни носят белые воротнички, другие галстуки от Версачи, а я вру». Было время, этот Котел набирал у Кости Воронова сигарет и жвачки и торговал мелочишкой по всему району, арендуя машину у своего приятеля, кажется, биолога. В знакомствах Котел был неразборчив, из-за вранья его не терпели. Старенький «Москвич» разваливался по частям, приятель запивал. Время от времени Котел отыгрывался на том, что обсчитывал приятеля даже на бензине. «Ты меня обманываешь!» – дошло однажды до приятеля-биолога и он ушел в могильщики. Свой процент за крышу Котел, естественно, отдавал неохотно. Ну, не нравилось ему это. Сделать ничего не мог, а не нравилось. «Совесь – лучший контролер, – пытался он себя успокоить. – Если сделал дело на совесть, не поимел долгов, тебя тоже не поимеют». Во всем остальном Котел был обыкновенным сибирским жлобом. Носил неряшливую бороду (экономил на бритье) и черный сюртук с широкими штанами (так и хочется сказать – в заплатах), из под которых выглядывали разбитые башмаки на высоких каблуках. Понятно, не из модного магазина.

Котла жаба давила.

Он, например, не держал постоянных рабочих, предпочитая ящики и бочки в своей мелкой лавочке таскать и катать самолично. Иногда пару временных рабочих он все-таки нанимал, но со стоном; к нему даже бомжи шли неохотно, вечно у Котла случалась канитель с выплатами. Ну, а еще был у Котла сынок, хитрый ублюдок, от которого за версту несло кумаром. «Делись!» – не раз советовал он родному папику. – Делись, блин, с людьми, а то зарежут!»

Котел отмахивался.

Ему в голову не приходило, что сынок произносит слова, золотом начертанные в Своде неписаных законов бизнеса.

5

Положенную Филином ставку я не скашивал никому, даже бывшему таксисту.

Я так считал: не хочешь честно платить, купи втихомолку ствол или беги в прокуратуру. Платить, конечно, не хотели, но никто стволов не покупал и в прокуратуру не бегал, значит, могли платить. И платили. А с некоторого времени работать я предпочитал один. Можно свободнее поболтать с клиентом, а это не последнее дело. Мы ведь (у кого голова на плечах) не просто работаем, мы внимательно приглядываемся к будущему. Рынок вообще дело ненадежное: сегодня ты в силе, а завтра придет конкурент и выбросит тебя с рынка, ну, и тюремные нары тоже никто пока не отменял. Я не собирался всю жизнь болтаться в одной тачке с Долганом, обсуждая проблемы его геморроя. Потеряв Шурку, я внимательно присматривался, с кем можно начать дело, и каким, собственно, делом стоит заняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.